

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**КУЛЬТУРА И
РЕЛИГИЯ**

Июнь 2025, Выпуск №8

ISSN (print) 2737-3606 | ISSN (online) 2737-3614

**ЗАШИФРОВАННАЯ
ТАИНА:
КУЛЬТУРЫ В СИМВОЛАХ**

СОДЕРЖАНИЕ

- 04** СЛОВО РЕДАКТОРА
- 06** ТАЙНА СИМВОЛЬНОГО ЯЗЫКА ЕВРОПЕЙСКОГО
МИСТИЦИЗМА
Ph.D Олег Мальцев
- 18** ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВЛИЯНИЕ СИМВОЛА
Ph.D Александр Сагайдак
- 26** СИМВОЛ – МІСТ МІЖ ЗЕМНИМ І ТРАНСЦЕНДЕНТНИМ
Богачевська Ірина
- 32** КАК БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ГОВОРИТ С НАМИ
Интервью с Кэрол Шумейт
- 42** СИМВОЛ – КЛЮЧ К ЗНАНИЯМ
Марина Ильюша, Анна Калюжная
- 50** О ЧЁМ МОЛЧАТ СТЕНЫ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА?
Ирина Лопатюк

62

ЖИЗНЬ В МИРЕ СИМВОЛОВ

Интервью с Максимом Лепским

70

ТАЙНЫЙ ЯЗЫК ЖИВОПИСИ

Обзор художественной символики

78

ОРДЕН РОЗЫ И КРЕСТА. ДЕШИФРОВКА СИМВОЛА

Анна Филиппова

86

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СИМВОЛ

Мишель Пастуро

96

СИМВОЛЫ, МЕНЯЮЩИЕ СУДЬБУ

Марина Ильюша

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие читатели,
с радостью представляем вам новый выпуск журнала, посвящённый
теме «Зашифрованная тайна: Культурные символы».

Символы окружают нас повсюду – в городской среде, в культуре, в религии, в искусстве. Мы видим их каждый день, иногда не осознавая, что они воздействуют на нас – пробуждают чувства, формируют восприятие, задают настроение. **Символ – это не просто изображение или знак.** Это нечто большее: носитель смысла, порой глубже слов. Именно поэтому мы решили поговорить о влиянии символа на человека.

В этом выпуске мы собрали разносторонние взгляды на тему влияния символов. Социолог рассказал нам о том, как символы действуют на человека в городской среде, и объяснил, в чём разница между символом и знаком. Эксперт по глубинной психологии поделился своими наблюдениями о том, может ли символ исцелять психику, существуют ли действительно разрушительные символы и какое особое место занимает религиозная символика. Подробнее о религиозных символах рассказала религиовед: что они означают, как они утрачивают сакральность, почему некоторые из них со временем теряют свою силу и значимость.

Мы также раскрыли несколько удивительных историй: узнали о тайных символах Гейдельбергского университета, которые по сей день остаются скрытыми от глаз большинства, и о главном символе Южной Италии, который способен изменить судьбу любого человека. Вы откроете для себя искусство «читать» живописные полотна, словно тексты, – распознавая скрытые символы, тайные послания и тонкие намёки, оставленные художником. И это ещё не всё – на страницах нашего выпуска вы найдёте ещё больше захватывающих открытий о символах, способных изменить ваше восприятие мира, научиться видеть скрытое и распознавать невидимое.

Этот номер – приглашение внимательнее всматриваться в окружающий мир. Возможно, после прочтения вы взглянете на знакомые вещи иначе.

АННА КАЛЮЖНАЯ

Редактор журнала

ТАЙНА СИМВОЛЬНОГО ЯЗЫКА ЕВРОПЕЙСКОГО МИСТИЦИЗМА

АВТОР СТАТЬИ:

ОЛЕГ МАЛЫЦЕВ

Multiple Ph.D., автор многочисленных исследований в области воинских искусств и мировых криминальных традиций. Руководитель «Института памяти», НИИ «Исследования мировых воинских традиций и криминалистических исследований применения оружия», а также НИИ «Международное судьбоаналитическое сообщество». Полноправный член одного из наиболее влиятельных объединений профессиональных психологов в мире — «Американской ассоциации психологов» (АРА). Действительный член (академик) «Украинской Академии наук» (УАН), руководитель Одесского регионального отделения УАН.

Тема символизма в городах — это, наверное, та тема, на которую я мог бы говорить часами без остановки, так как я занимаюсь этой темой более 30 лет. **Символы — это особый язык, и тот, кто умеет его читать, может понять, какое послание хотели передать знающие люди.** Сегодня, когда мы видим города и архитектуру, мы видим исключительно психологическую составляющую архитектуры, символов в ней нет. А если и есть какие-то символы городов, то они носят психологический характер, но не истинно символический.

Многолетняя исследовательская деятельность Экспедиционного корпуса под моим руководством показала, что наличие Европейского мистицизма, как основной науки Средневековья, является не частным случаем, а мировым явлением. Мы уверенно можем говорить, что сокровищницей **символьного языка Европейского мистицизма** является Западная Европа: Германия, Австрия, Италия, Испания, Франция и т.д. Когда мы смотрим на символы в подобных городах, приходит понимание: **их создавали для того, чтобы передавать знания и информацию тем, кто умеет читать этот особый символический язык.** Но сегодня, когда мы смотрим на архитектуру современных городов, как было сказано ранее, мы видим лишь психологическую составляющую архитектуры, которая символов как таковых не имеет. Это говорит о том, что

современная наука практически потеряла это изначальное знание. Ещё совсем недавно, в XVI–XIX веках, города строились иначе: архитектура того времени была наполнена символами. Именно благодаря этому **символическому содержанию** город сам становится **местом обучения — настоящей учебной аудиторией.** Например, такие страны, как Испания и Германия по истине являются настоящими учебниками, побывав там, не заметить этого практически невозможно. **Германия — символический учебник;** эта среда лучше всего обучает европейскому мистицизму и символизму. **Испания — это «учебник» по психологии.** В частности, в результате экспедиционных исследований на Канарских островах было сделано 22 научных открытия(!). Безусловно, без предварительной серьезной подготовки, осмыслить подобное просто не представляется возможным.

Если вы поедете, например, в Латинскую Америку, научиться понимать символику там практически невозможно, она совершенно иная. После работы в Западной Европе — в Германии, на юге Италии, на севере Венеции — становится очевидно: в других регионах работать с символическим языком очень трудно. Поэтому, когда в Экспедиционном корпусе к нам приходят новые молодые исследователи, мы всегда стараемся, чтобы они **начинали с Европы.** Без этого понять глубину символики просто невозможно.

Фасад здания с мистическим и символическим учебником, Мюнхен

Исходя из сказанного возникает резонный вопрос: почему раньше знания были изложены в храмах и иных зданиях, но потом все это переместилось в книги? Вся причина во власти, в степени влияния. Если вам нужно влияние в определенном городе — вам не нужны книги. Здания долговечнее книг, они не горят, могут передавать знания во многие поколения вперед. Если вам нужно куда-то ехать передавать знания в те города, где этого всего нет, то строить для этого новое здание проблематично, вам лучше написать книгу и передать данные через неё.

Поэтому, если вы обратите внимание, в Европе все города делятся на две части: старый и новый город. Я, как ученый, стараюсь фиксировать на камеру старый город, изначально не уделяя внимание новому городу. Потому что **из старого города мы получим символическую информацию**. А из нового города — нет. Но зато у вас будет возможность сравнить одно с другим.

Ярким примером является фасад здания, который мы однажды наблюдали в Мюнхене, где нарисован целый мистический, символический учебник напротив бара. Представьте: люди, которые сидели в баре, обращали свой взор на фасад здания нагруженный символикой, хоть сиди и “читай” себе, что же хотели передать великие мира сего. И таких примеров я могу привести множество, практически в каждом городе Европы найдется место с огромным блоком

символической информации. Вот так и выглядит город как учебная аудитория, когда город тебя обучает и тренирует на каждом шагу, даже сидя в баре. И если ты это понимаешь, ты можешь сделать этот процесс управляемым.

В результате исследований, проведенных нашей Экспедиционной командой, были написаны монографии и научные книги, а также разработаны собственные исследовательские методы и концепции. В своей работе мы опираемся на проверенные исторические факты.

Например, если взять известные исторические периоды, то можно выделить два основных этапа в истории городов.

Первый период характерен тремя видами городов:

- город-крепость;
- некий культовый центр, на примере Вавилона или Иерусалима;
- торговый город, который основан на базе рынков в центре (рынок является градообразующим).

В определенный момент времени эти три типа города сменяются пятью типами городов.

Второй период характеризуется такими типами городов:

- города, похожие на Венецию: Нью-Йорк, Санкт-Петербург, Одесса и т.д.;
- города, похожие на Флоренцию, Великий Новгород (в Имперской России), Киев и т.д.;
- города-символы: Мюнхен, Палермо и т.д.;
- города, образованные университетом: Гейдельберг, Падуя, Болонья, Модена (университет является градообразующей системой);
- маленький провинциальный город. Таких городов очень много в Италии, Германии и т.д. Сам город похож на игрушечный (как из сказки Г. Андерсена), но такие города оторваны от жизни: там

живут люди, которые ничего особо не видят и ни с кем не общаются, а каждый их день похож на предыдущий.

Почему три первых города сменились на следующих пять типов городов никто не знает; есть только гипотезы на эту тему. Но важно, что города отличаются друг от друга и символизмом, и символической смысловой нагрузкой, у них есть кардинальное отличие с точки зрения психологического воздействия на человека.

Первые три типа городов (первого периода) имеют естественное воздействие на человека. В данном случае у человека есть выбор: хочет ли он, чтобы этот город на него воздействовал или нет. Говоря о следующих пяти типах городов (второго периода), здесь человека никто не спрашивает, хочет он, чтобы на него воздействовали, или не хочет. Когда человек попадает в один из городов этой пятерки, то его город сразу же начинает воспитывать на всех уровнях: от религиозно-символического уровня до антропологического.

Сегодня мы не имеем дело с первыми тремя типами городов, поскольку эти города уже исчезли, но **постоянно соприкасаемся с пятью типами городов второго периода**: непосредственно живем в этой цивилизации, где города выглядят именно таким образом, и они, безусловно, оказывают на нас серьезно влияние. Но разные города по-разному влияют на людей, и чем серьезнее город, с которым вы имеете дело, тем меньше современных изменений в нем видите.

Одними из таких городов являются **Мюнхен** и **Палермо**; такого рода «конгломераты» исторических эпох предстоит исследовать многократно иначе проникнуть в тайны просто не удастся. Каждый раз прогуливаясь по улицам этих городов, вы замечаете новые символы, объекты, элементы архитектуры, гербы и прочее.

Иногда кажется, что вы уже знаете улицу вдоль и поперек, но всякий раз, вооружившись фотоаппаратом, всё равно обнаруживаете что-то новое. Палермо

Палермо

Мюнхен

не только «раскрывается слоями», шаг за шагом, находка за находкой, но и поворачивается к исследователю разными гранями. По факту, в таких средах учёному без фотоаппарата работать просто невозможно. Кстати, фотоаппарат, в том числе, является переходником к зрению определенного типа.

Одним из интереснейших исследований городов было посвящено **Дубровнику** — старинный город на побережье Адриатического моря в Хорватии. Он знаменит своими мощными крепостными стенами, узкими улочками из светлого камня и яркой историей морской республики. Экспедиционный выезд с целью исследования данного города проводилось трижды!

Войдя в Дубровник, я сразу понял, что этот город может отлично потренировать человека. Предстояло выяснить одно — как именно. Переступив «порог» города,

Экспедиционная группа сразу обратила внимание на синагогу, к которой вела очень крутая лестница, угол наклона около 70-ти градусов(!). Как же люди взбирались в эту синагогу, особенно пожилые горожане? Спустившись еще ниже, слева увидели храм Св. Николая, чье нахождение в морском городе вполне ожидаемо, ведь **Св. Николай является покровителем моряков**. Далее члены Экспедиционного корпуса спустились вниз и вышли на центральную улицу. Слева **Храм Св. Влаха**, рядом колокольня с часами и несколько зданий венецианской архитектуры – что указывает на принадлежность города **к венецианской цивилизации**. Храм Св. Влаха в Дубровнике является аналогом иезуитского храма в Гейдельберге. Мы видим венецианский протекторат в обоих городах, а также свидетельство того, что **Дубровник имеет серьезную учебную нагрузку**.

Многоликая правда

Предлагаю немного ближе рассмотреть архитектуру. Посмотрим на **Храм Св. Игнатия: храм сохранил символ многоликой правды** — крест, на который взбираются пять ангелов-младенцев. А в символической композиции на фасаде храма воплощены механизмы реализации. Таким образом, храм Св. Игнатия говорит нам о том, что истина превращается в правду и становится многоликой, и человеку надлежит понимать, как она устроена.

Дело в том, что на самом деле, истина — это две правды. Формула, которой выглядит так: **То, что ты знаешь и то, что тебе предстоит узнать = Истина.**

Многоликая форма правды свидетельствует о том, что каждому человеку в какой-то степени доступно знание, но всегда остаётся нечто, что ещё только предстоит открыть (это возможно); равно как и то, что при прочих равных условиях

всё равно остается нечто тайное трансцендентное, непостижимое и пока ещё не осмысленное человечеством.

Расположение **иезуитского храма** также символично — **человек должен преодолеть непростой путь через весь город, проходя определенные этапы познания**, будто листая страницы «городского учебника». Ступив в город, человек сначала попадает к храму Корабельного Бога, за ним следует монастырь ордена францисканцев, за ним следующий храм, затем — ещё один... **И с каждым новым храмом человек получает все больше знаний, все больше познает правду.** Поднявшись к храму иезуитов, он завершает своё обучение и осознаёт, что вся жизнь строится, как на фундаменте, на двух главных основах: **знания и механизмы реализации задач.**

Всегда существует некая конфигурация того, что человек знает и не знает, и какие механизмы реализации ему на самом деле ведомы (что он использует) или таковые механизмы отсутствуют вообще.

Следом научная группа в Дубровнике исследовала **Доминиканский монастырь**. В этом монастыре сохранился экспонат, заслуживающий особого внимания — **Архангел Михаил с венецианским бастоном и весами**. Подобную фигуру Архангела Михаила я встретил впервые. Архангел Михаил с бастоном и весами — это **символ власти, право судить людей за их поступки**. Традиционное изображение Архангела Михаила с мечом и весами, которое встречается чаще всего, означает **«судить и карать»**. Казнить может кто угодно, а помиловать — только король. Также особого внимания заслуживает компоновка групповых сцен на иконах и картинах храма — они и вправду нестандартные. По сути, символическая система доминиканского монастыря гласит следующее: **«Кто понял истину и добивается результатов, имеет право быть судьей»**.

Особого внимания заслуживает колодец в центре двора доминиканского монастыря — это точная копия колодцев, которые существовали и в Одессе. И поскольку

Одесса создана по прототипу Венеции, мы отмечаем ещё одно доказательство тому, что **Дубровник — город венецианский**, и представления о венецианской цивилизации в прежние столетия были идентичные.

Экспедиционным корпусом был сделан вывод: Дубровник — город с уникальной системой планировки, которая направляет и побуждает жителей жить определённым образом, обучая их ориентироваться в этом сложном «лабиринте» с помощью специальных методов. Его храмы один за другим заставляют человека задуматься над важными аспектами его жизни, над его философией и даже о его жизненном пути. **Дубровник представляет очень мощную символьную нагрузку, буквально на каждом шагу вас ожидает тот или иной символ, наводящий раскрыть вам тайны истории.** Этот город является для человека неким беспристрастным учителем и учит он человека быстро соображать, понимать, что правда, а что ложь; он описывает механизм воспитания человека (вспомним Францисканскую наковальню), объясняет взаимодействие знаний и навыков, и в результате приводит человека к Венецианской Славе, то есть, **к секрету власти.** Дубровник раскрывает человеку воочию секрет власти: в основе власти лежит **победа над самим собой.**

Стоит упомянуть ещё один интригующий факт:

- Возле Дубровника есть **город пиратов**, где находятся одни кабаки. Чему же он может научить? Маленький город, нагруженный символами, в центре — Архангел Михаил и одни кабаки... Чему здесь могли научить? Пить ром? Нет! Он учил ключевому навыку для каждого пирата. Он учил драке! Да, именно драться. И не просто драке, а поединку в неменяемом состоянии, на очень вялых ногах — а ведь именно такие ноги будут на abordage! Они напивались и начинали тренироваться. Кто оставался в живых, были готовы идти в море. Поэтому этот город может

научить драться не только на земле, но и на море. Были обнаружены заводы, где ставили два корабля борт к борту и учились абордажу. Мы увидели тренажер того, как корабли штурмуют бастион, как корабли подходили к скале, а с них пираты взбирались и штурмовали сложные объекты, которые специально были построены для тренировок такого рода. Пиратский тренировочный центр! Все это скрыто за горами, от посторонних глаз. Если на первый взгляд, крепость-симулякр вызвала вопросы, зачем ее построили... То, когда осмыслили назначение города, все стало на свои места. Крепость специально построили как тренажер — это бутафория, позволяющая научиться штурмовать стены. А кому была нужна подготовленная пиратская банда в этих местах? Неизвестно... Возможно, именно это — следующая загадка, которую нам предстоит раскрыть... Вот

так, на первый взгляд — самые обычные старые города, а на деле — скрытые тренировочные базы, способные закалять человека, формировать навыки выживания и передавать тайные знания, зашифрованные в их улицах, постройках и символах.

Важно отметить, что в храмах и религиозных постройках символы со временем часто подвергаются трансформациям: их меняют, стирают, перерисовывают или вообще заменяют на новые — иногда по идеологическим, а иногда по политическим причинам. В результате подлинные значения теряются, а вместо них появляются новые образы, которые несут совершенно иное послание, что безусловно затрудняет исследование объекта.

В пример расскажу о церкви, которая находится в городе Тикуйль, Мексика, она является бывшим монастырём, а ныне —

Церковь Святого Антонио Падуйского. Согласно официальной информации об этом месте, монастырь был построен в середине XVI века **монахами Ордена францисканцев**. Назван в честь Святого Антонио Падуйского (1195–1231) — одного из самых знаменитых францисканцев. Из источников также было известно, что в этом храме располагался **щит Испанской империи**.

Первым, что я обнаружил на фронтоне церкви — это была целая система, состоящая из символов языка Европейского мистицизма: специальные механизмы в виде системы координат, ПДТ, «горелки», которая соединяет уровень памяти и сознания человека! Никогда прежде Экспедиционному Корпусу не встречалось увидеть все эти механизмы, собранные вместе на фасаде. Вся эта система вместе на языке Европейского мистицизма означает: **«Человек, идущий к Богу»!**

Вроде бы исследование идёт полным ходом, но, что же нам помешало? Дело

в том, что я заметил очень странный факт: **в церкви полностью отсутствует изображение главного святого — Антонио Падуйского.** Его нет вообще. Подобное мы видели в Юкатане, там Экспедиционная группа посетила не один, а целых три Храма Святого Антонио Падуйского, но ни в одном из них не удалось обнаружить даже упоминания об этом монахе. Имя этого францисканца сохранилось только в названии церквей. И больше ни в чем.

В итоге, в ходе исследования Юкатана, проведённого под моим руководством, мы выяснили, что в большинстве сохранившихся храмов **содержимое не совпадает с тем, что указано в официальных исторических документах.**

Например, из десяти обследованных храмов, в большинстве было обнаружено, что старые предметы были полностью вынесены и разграблены, а вместо них поставлены и выставлены новые вещи. То

есть, когда кто-то посещает храмы в штате Юкатан в Мексике, он на самом деле знакомится не с настоящей культурой майя или историей испанского правления, а с современной культурой этого региона, которая появилась только в последние несколько сотен лет.

Таким образом, **настоящая история Юкатана была скрыта за мифами, которые появились в интернете**, причем академическая наука, вероятно, получила деньги за то, чтобы поддерживать эти мифы. Позже католическая церковь создала новые мифы и поместила их образы внутри этих храмов. Кроме того, были созданы и другие мифы, причем это делалось теми, кто очищал эту территорию, чтобы никто не узнал, что на самом деле здесь происходило и чем здесь занимались раньше.

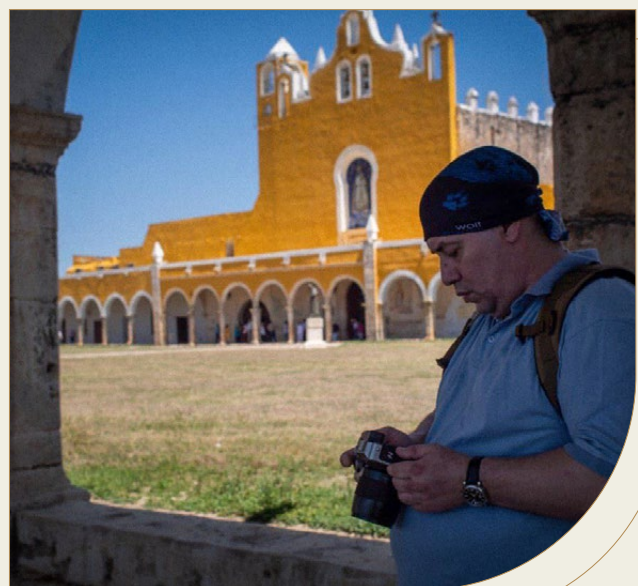
По сути, была создана сложная многоуровневая система, которая не даёт получить настоящую и правдивую информацию о Юкатане. Рассмотрим ещё один пример для подтверждения. Проводя исследование по штату, Экспедиционная группа заметила ещё одну странность: **в трёх разных церквях, расположенных в разных городах штата, были абсолютно одинаковые алтари**. Это вызвало впечатление, что эти алтари будто сделаны на одном и том же заводе, потому что в разных храмах просто не может стоять три полностью одинаковых алтаря. Такое наблюдение наводит на мысль, что алтари просто заказывали и ставили одинаковые.

Итог исследования Церкви Святого Антония Падуанского показал, что сами стены и фасад храма настоящие, а всё, что находится внутри, — подделка. По этой причине работать с символикой внутри храмов крайне сложно, так как она не отражает подлинную историю и культуру региона.

Таким образом, исследование символики городов требует не только серьёзной и тщательной подготовки, но и глубокого погружения в исторический контекст, работу с архивами, анализ архитектурных особенностей и, порой, консультации с уз-

кими специалистами. Ведь символы — это язык, и, чтобы правильно его «прочитать», необходимо уметь различать подлинные символы от искусственно созданных образов, предназначенных для туристического потребления или с целью скрыть подлинную историю и истинное значение культурного наследия. В наше время, когда нередко переписывается история и подлинные артефакты подменяются коммерческими декорациями, учёному особенно важно сохранять критичность мышления и способность видеть разницу между культурным наследием и его стилизованной имитацией.

Ведь исследования старинных храмов показывают нам не только скрытую от глаз историю, но открывают перед нами мир прикладной истории и Европейского мистицизма. Дешифровка их фасадов, внимание к мельчайшим деталям и анализ символов позволяют нам лучше понять не только архитектурное наследие, но и глубокие духовные и культурные аспекты прошлого, тайны, действительные мотивы и цели заложенные в них. В каждом храме заложен глубочайший смысл и значение. Эти величественные строения переносят нас во времена, когда мастера возводили свои произведения не только как свидетельства веры, но также для служения вполне определенным целям и выполнения долга!

ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВЛИЯНИЕ СИМВОЛА

АВТОР СТАТЬИ:

PH.D САГАЙДАК АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Кандидат психологических наук, юнгианский аналитик, преподаватель, глава Ассоциации глубинной психологии «Теурунг», председатель Психолого-фило-софского общества.

Область моих исследований — глубинная психология, и особый интерес в этом контексте представляет **феномен символа**. Без преувеличения можно сказать, что символ занимает в ней центральное место. Согласно юнгианскому подходу, восходящему к античному пониманию, **символ — это не просто образ, а акт соединения**. Само слово имеет древнегреческое происхождение и в основе своей означает «соединять, сводить воедино». **Символ — это ключ к досознательному (urgrund, как назвал его Эдмунд Гуссерль), портал в область осознаваемого, переводчик, медиатор, дешифратор**. Все эти определения правомерны, и каждое из них освещает ту или иную грань его природы.

И, конечно, самым популярным предметом для рассуждений в контексте символов является сон. Нередко можно услышать, что **сны — это язык бессознательного, наполненный символами**. Но многим бывает трудно понять, как с этим языком обращаться. Без подготовки в области глубинной психологии или хотя бы базовых знаний по семиотике, адекватно интерпретировать сновидения крайне сложно. Потому что сны оперируют как универсальными символами, так и системой личных символов — доступными для понимания лишь тому, кто их переживает. Эти индивидуальные символы

укоренены в личной истории, в уникальном жизненном опыте человека, связаны с его внутренней правдой, с тем, что можно назвать аутентичностью.

Задача аналитика, работающего со сновидениями, — распознать и упорядочить эту мозаичную структуру символов. Но это не хаотичное смешение образов. Сон — это скорее пиктограмма, своего рода архаическая форма изобразительного искусства. Как на древних росписях, где сцены изображались в круговой композиции и каждое изображение было связано с другими, так и в сновидении — все элементы объединены в единую символическую систему. Интерпретировать сон — значит увидеть в нём «пектораль смысла», где всегда есть центральный элемент, ось всей конструкции — ключевой символ. Именно вокруг него группируются и обретают значение все прочие образы. Это и есть своеобразная формула толкования сновидения.

Подробнее о системе личных символов: она складывается из значимых событий прошлого, оставивших глубокий след в душе и запечатлённых в памяти. Как правило, эти события сопровождались особенными знаками — предметами, словами, действиями, — которые со временем приобрели

“

СИМВОЛ — ЭТО КЛЮЧ К ДОСОЗНАТЕЛЬНОМУ, ПОРТАЛ В ОБЛАСТЬ ОСОЗНАВАЕМОГО, ПЕРЕВОДЧИК, МЕИАТОР, ДЕШИФРАТОР.

символическое значение. Наиболее очевидный пример – влюблённость. Влюблённые создают собственный язык символов: ритуалы, ласковые прозвища, предметы, наполненные смыслом, метафоры и намёки, которые понятны только им двоим. Стоит лишь произнести слово или напомнить о символе – и в памяти моментально всплывает переживание, эмоция, намерение, будь то положительные или негативные.

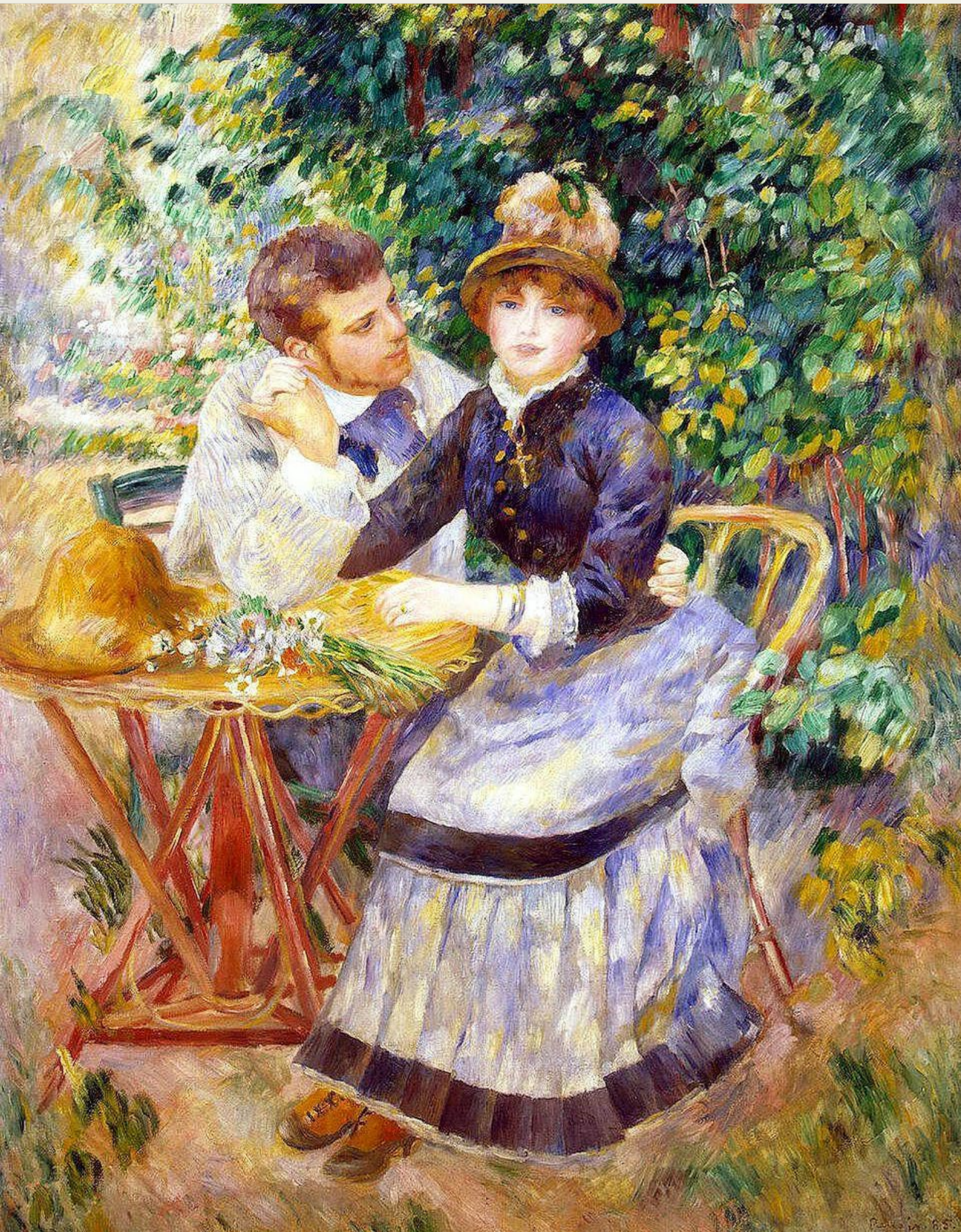
Как практикующий психолог, я нередко слышу вопрос: **может ли символ восстанавить психику?** Может ли он помочь человеку справиться с тяжёлыми переживаниями, исцелить душу, вернуть утраченную внутреннюю опору? Ответ на него требует вдумчивого погружения в саму природу символа и его роли в психической жизни человека.

В основе большинства психологических проблем лежит нарушение внутренней целостности – сбой в согласованном, гармоничном функционировании психики. Одним из важнейших элементов этого

нарушения является расстройство связи между верхним, сознательным уровнем и глубинным досознательным слоем психики. Эта связь осуществляется, прежде всего, через символ. Символ – это своего рода мост, медиатор между этими уровнями. Когда этот процесс нарушен, когда символы перестают выполнять свою объединяющую функцию или же делают это в искажённой, деформированной форме, начинается раскол, возникает внутренний конфликт.

Подобные искажённые символы нередко можно встретить в том, что принято называть «народной мудростью» – в поговорках, устойчивых выражениях, передаваемых из поколения в поколение. Например, фраза **«Бьёт – значит любит»** представляет собой **классический пример деформированного символа**. Он не только не исцеляет, но, напротив, **закрепляет разрушительные установки**: страдание приравнивается к любви, подчинение – к близости, а насилие интерпретируется как проявление страсти. Такой символ не

ЧЕЛОВЕК, УТРАТИВШИЙ СВЯЗЬ С ГЛУБИНАМИ СВОЕЙ ПСИХИКИ, СТАНОВИТСЯ СУЩЕСТВОМ ПЛОСКИМ, «ПЛАНИМЕТРИЧЕСКИМ», БУКВАЛЬНО — ОДНОМЕРНЫМ.

соединяет уровни сознания — он искажает их диалог, внедряя ложный, травмирующий смысл.

Возникает вопрос: возможны ли символы, которые не просто нарушают связь между слоями психики, но полностью разрушают её структуру? Это один из глубоко теоретических вопросов, с которым сталкиваются и философия, и семиотика, и глубинная психология. **Действительно ли существуют разрушительные символы?**

Наша позиция — в том, что **символ по самой своей природе конструктивен**. Конструктивен именно потому, что несёт в себе смысл. **Деструктивно** не наличие смысла, а его **искажение, подмена или полное отсутствие**. Подобно тому, как здоровье — это естественное состояние тела, в котором не требуется объяснений, так и наполненность смыслом — это норма для психики. А нарушение смысла, его повреждение — это болезненное состояние, проявляющееся в утрате внутренней опоры, в фрагментации сознания.

Ключевым здесь является понятие **асимволии**, о котором писал Карл Густав Юнг. Это состояние, при котором человек **теряет способность ощущать смысл: символы перестают работать, или оказываются полностью заблокированы**. Чаще всего такое состояние связано с психологической травмой, которая и становится причиной разрыва между сознательным и бессознательным. Травма — всегда результат множества факторов, множества действующих лиц.

Следовательно, речь идёт не о разрушительных символах, а о **символах повреждённых, деформированных или вытесненных**. В этом контексте можно сказать: да, символ может восстановить

психику. Именно через восстановление символической функции, через возвращение смысла, человек вновь обретает целостность и контакт со своим глубинным сознанием.

В продолжение о потере связи с глубинными смыслами души, в 1960-х годах в Германии сформировалось интересное философское направление — **Франкфуртская школа неомарксизма**. Её представители серьёзно исследовали проблему утраты человеком связи с собственной внутренней природой и культурой. Один из основателей этого течения, **Герберт Маркузе**, написал работу с многозначительным названием — **«Одномерный человек»**. Вспомним школьный курс геометрии: там мы знакомились с одномерными, двумерными и трёхмерными фигурами. С позиции Франкфуртской школы **человек, утративший связь с глубинами своей психики, становится существом плоским, «планиметрическим», буквально — одномерным**.

Если применить эту метафору к современной психологии, то человек, в котором не работают символические механизмы, — это и есть тот самый одномерный человек. Его глубинное содержание не исчезло, оно остаётся в нём, но он не взаимодействует с ним осознанно. Между тем, в нормальном, целостном состоянии символы служат важнейшим каналом связи между сознанием и досознательным. Как подчёркивает юнгианская психология, символ чаще всего рождается именно из глубин — из досознательного. Человек не осознаёт его значение сразу, но, встретив определённый образ, ощущает внутренний отклик, импульс. Следующим шагом должно стать осмысление: что за сила пробудилась во мне? Какое желание ожило, когда я увидел этот символ?

СИМВОЛЫ — В ОСНОВЕ НАШИХ
ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД,
В ФУНДАМЕНТЕ НАШИХ
ПОСТУПКОВ
И УСТРЕМЛЕНИЙ.

~ Buktor ge Kasto ~

При этом психологически и эмоционально поведение человека, утратившего контакт с символическим измерением, становится **шаблонным, механистичным, зависимым от внешних социальных стимулов**. Он действует не из внутреннего импульса, а реагирует на внешний стимул.

Особое место в этом контексте занимают **религиозные символы**. Это символы **высшего порядка**, поскольку они выводят человека за пределы повседневного и телесного, вовлекая в опыт трансцендентного. Независимо от того, признаём мы это или нет, духовные символы способны погружать человека в переживание соприкосновения с тем, что находится по ту сторону материального. Кроме того, раз мы начали говорить о религии, стоит добавить, что подлинный **религиозный ритуал — это символ, соединяющий человека с трансцендентностью**.

Если говорить о значении ритуала простым языком, то нас в жизни выручают те ритуалы, которые в своё время выявил Г. Эббингауз и обозначил, как определенные стереотипы памяти, сохраняющиеся и после периода забывания. В целом наличие того, что раньше называли психологическими автоматизмами, немного позже считали стереотипами, а на сегодняшний

день называют паттернами, очень здорово облегчает жизнь человека, потому что помогает не перегружать свое внимание, когда человек действительно автоматически что-то делает. Однако ритуалы, интересующие нас в религиозном контексте — это явление более глубокого порядка.

Ритуалистика — это серьёзная дисциплина, требующая фундаментального подхода и комплексного методологического аппарата. Если за формирование реализации ритуала берутся дилетанты, которые, в сущности, делают это на уровне бихевиоризма, превращая ритуал в выработку условных рефлексов или, в лучшем случае, в суггестию, конечно, и от этого есть результат. Но трансформации и изменения внутренней сути при таком подходе не происходит; выражаясь терминологическим языком Л. Сонди, не происходит преодоления навязанных тропизмов — неких сил, диктующих человеку его судьбу.

И здесь мы должны обратить внимание на то, что ритуал может носить двоякий характер:

ритуал сам может быть симулякром, то есть бессмысленной имитацией, неким знаком, за которым ничего не стоит. Но также ритуал может иметь глубокую символическую насыщенность, то есть **ритуал сам может выступать символом**, благодаря которому происходит соединение Эго с подлинно витальными религиозными ресурсами досознательного, наполняющими духовностью нашу личность.

Но что насчёт тех, кто не считает себя неверующим? В таких случаях мне на память всегда приходит высказывание святого **Климента Александрийского**:

«Неверие есть вера в нечто противоположное».

Отрицать в принципе наличие веры в человеке — ошибочно, ибо каждый человек наделён трансцендентным опытом. Любой из нас периодически испытывает прикосновение к чему-то трансцендентному, потустороннему, к тому, что не объясняется в терминах повседневной, физической или материальной реальности. Конечно, этот опыт крайне сложно осмыслить, но данный аспект реальности существует, отрицать его было бы не совсем разумно. Как его

объяснить и самое главное, как соотносить этот трансцендентный опыт с нашими земными, социальными, экономическими и политическими устремлениями? Это один из самых дискуссионных вопросов, так как взаимоотношения духовности и общества — это тема человеческой истории, которая наполнена особым драматизмом, особой глубиной, особой содержательностью. История нам четко дала понять, что общество, лишённое духовности стремительно деградирует, оно теряет признаки человеческого, гибнет и становится добычей для других обществ, где к духовности относятся по-другому.

Когда человек говорит, что не верит в Бога, за этим часто скрывается не отрицание самой идеи Бога, а утрата веры в доброго, милосердного Творца. Вместо этого он бессознательно признаёт существование враждебного, пугающего, неведомого Бога, имя которого он даже не решается произносить — из страха. Такой человек остаётся верующим по своей природе, но его вера окрашена в тревожные, тёмные тона. И если он окружает себя символами, то чаще всего они несут в себе искажённый, разрушительный смысл.

Более того этап экзистенциального поиска присутствует в жизни каждого из нас и он неизбежен. Любой человек, осознает он это или нет, проходит через кризисы веры. Зачастую мы этого не осознаем, однако мы можем увидеть проявление кризиса веры на уровне событий, действий или отношений: развал семьи, развод, алкоголизм, авантюрное поведение, наркотики и т.п. **На уровне своего сознания человеку кажется, что ему нужно радикально поменять жизнь, отказаться от прошлого, а в глубине души — душа жаждет веры. Но человек этого не понимает, более того, он не позволяет себе этого понять.**

Важно также упомянуть и об искусственно создаваемых символах. Когда символ возникает по воле сознания — по заказу, так сказать, — он часто оказывается всего лишь **симулякром**, пустой оболочкой. Подлинный

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ МОЖЕТ БЫТЬ СКРЫТА, МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬСЯ, ОБОГАТИТЬСЯ, РАЗВИТЬСЯ – НО ОНА НИКОГДА НЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ ВО ЧТО-ТО АБСОЛЮТНО ИНОЕ.

символ нельзя «сочинить». Он должен быть **результатом живого диалога с фигурами бессознательного. Ведь главное предназначение символа – соединять.** Символ не должен быть пустой формой: он должен раскрывать скрытые в человеке потенциалы, пробуждать внутренние ресурсы и интегрировать их в сферу сознания.

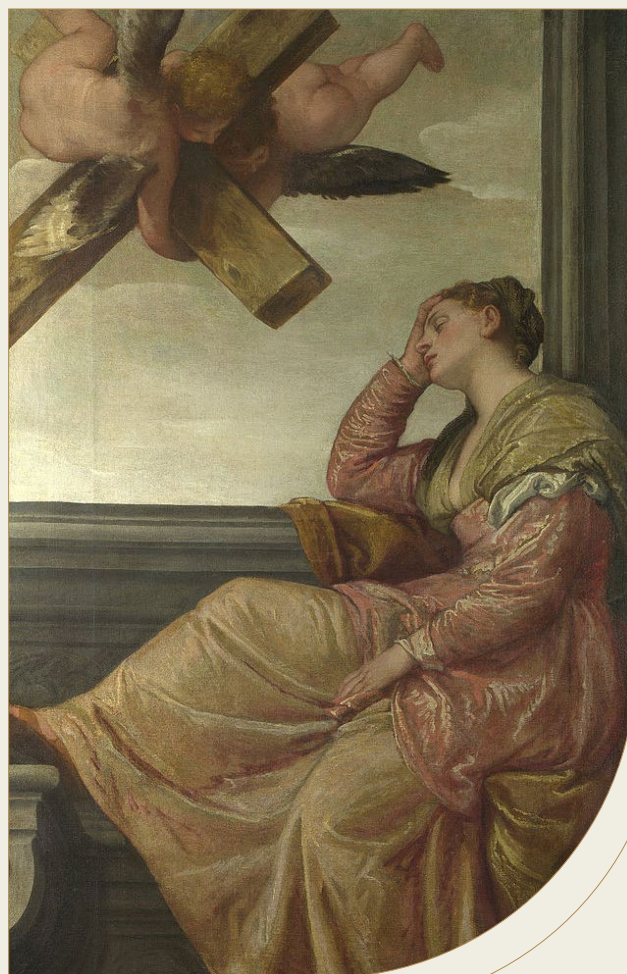
Человеческая личность может быть скрыта, может измениться, обогатиться, развиваться – но она никогда не превращается во что-то абсолютно иное. Существуют устойчивые, фундаментальные структуры личности, которые не поддаются радикальному преобразованию. Без них человек потерял бы свою уникальность, утратил бы самотождественность и, в буквальном смысле, перестал бы быть собой. Но это невозможно. **Даже в процессе глубокой внутренней трансформации человек остаётся самим собой – узнаваемым, единым, целостным.**

На практике, когда человек начинает работать с символами, эта работа почти всегда связана с его **травмами**. Мы ищем те символы, которые были повреждены, деформированы, утратив свою природную силу и целостность. Чаще всего речь идёт о воспоминаниях, словах, образах и знаках, которые вызывают внутреннее напряжение, тревогу, боль. Именно с ними мы и начинаем работу – стараясь понять, какие внутренние силы активизируются через эти символы, с какими аспектами душевной жизни они связаны.

Далее начинается важнейший этап – терапевтическая работа символа. Её задача – не просто проанализировать, но и трансформировать. Символ помогает перестроить отношение к болезненному опыту, вывести человека на уровень конструктивного, целительного взаимодействия с его внутренним миром. Через

этот процесс восстанавливается контакт с витальными силами личности – с её подлинной сущностью, способной к росту, гармонии и внутреннему балансу.

Символ – это мост между мирами: между сознанием и досознательным, между прошлым и будущим, между страданием и исцелением. Это не абстрактное понятие, а живой процесс, часть внутренней динамики личности. Работая с символами – особенно во сне, в искусстве, в религиозном или экзистенциальном опыте – человек получает доступ к своей внутренней правде.

СИМВОЛ

– МІСТ МІЖ ЗЕМНИМ І ТРАНСЦЕНДЕНТНИМ

СИМВОЛ з точки зору науки про знакові системи семіотики – це певний знак, який позначає явище, поняття чи дію. У цьому сенсі все наше життя пронизане знаками та символами. Ми постійно перебуваємо в середовищі символів, які мають різне значення в різних контекстах

АВТОР СТАТТІ:

БОГАЧЕВСЬКА ІРИНА ВІКТОРІВНА

Філософ, релігієзнавець. Доктор філософських наук, професор, автор більш, ніж 120 наукових та науково-методичних праць, 5 монографій, засновниця наукової школи з лінгвістичного релігієзнавства.

і можуть по-різному тлумачитися залежно від того, хто їх пояснює. Саме символи формують семіосферу культури. В контексті когнітивістики можна стверджувати, що наше мислення, особливо коли йдеться про складні речі, відбувається саме за посередництва символів, які в стислій формі акумулюють складні, багатозначні смислові конструкції. Людина має «розгорнути» зміст символа, розуміє й інтерпретує його сенс, спираючись на власний інтелектуальний багаж, життєвий досвід, в контексті культури, до якої належить, і часу, коли живе. Кажучи інакше, символ – це те, що означає набагато більше, ніж слово, яке його позначає.

Серед безмежного розмаїття символів нашого світу релігійні символи вирізняються особливою глибиною та складністю – вони пронизані сенсами, що торкаються самого серця людського буття. Релігійні символи є священними (сакральними). Вони фіксують, передають і зберігають прояви надприродного (трансцендентного) у житті людини. Того, що не можна описати словами буденної (профанної) людської мови. Питання про природу символів хвилює людство упродовж століть і проходить крізь культури всіх народів. Роль символу в релігії – це глибоке богословське питання. Згадуючи історію, можна навести гарний приклад, коли під час Вселенських соборів богослови сперечалися про природу Христа. Тоді Святитель Василій Великий сказав важливі слова: *«Ратую за слово «єдиносущний» як за найменш непридатне слово»*. Він мав на увазі, що слово «єдиносущний» (грецькою *ὁμοούσιος*) є найменш недоречним для того, щоб описати єдність Бога Отця і Сина в Трійці. Інакше

кажучи він визнавав, що **передати божественне звичайною мовою надзвичайно важко**. Сакральні змісти профанною мовою не схоплюються. Адже **трансцендентне** – це те, що принципово неможливо визначити чи описати, але водночас воно повинно бути якимось чином зафіксоване й усвідомлене. Євреї також мають влучний вислів: *«Святий Дух живєв проміжках між сл usernameами Тори»*. Саме тому, що трансцендентне не можна зафіксувати безпосередньо, і виникла потреба в релігійній символіці – щоб **передавати, зберігати та знову проявляти присутність надприродного у світі. Релігійні символи допомагають людині увійти в простір священного і відкрити для себе найважливіші сенси буття.**

СИМВОЛИ ДОПОМАГАЮТЬ ЛЮДИНІ УВІЙТИ В ПРОСТІР СВЯЩЕННОГО І ЗНАЙТИ ДЛЯ СЕБЕ НАЙВАЖЛИВІШІ СЕНСИ БУТТЯ.

Саме це і є завданням справжнього релігійного символу – у найглибшому його значенні. Але в наш час з'явилося багато симулякрів – знаків, які втратили своє початкове значення або були десакралізовані, позбавлені священності, зміст яких було спотворено.

З одного боку, символ має величезне змістовне наповнення, з іншого – **чим простіший символ, тим більше змісту він може нести**. Наприклад, якщо сказати слово «хрест» християнину, у нього відразу виникає багато образів: хрест, на якому був розп'ятий Ісус Христос, хрестик на шиї як знак належності до певної конфесії, хрест як символ страждань і жертви тощо.

Протлежний приклад в контексті нещодавнього обрання нового Папи Римського. Увага людей була прикута до кольору диму над ватиканською капелою. Цей дим – теж символ, і його значення розуміють лише ті, хто знає контекст події. Символіка чорного або білого диму над кришою Ватикану складніша за символ хреста, бо для його розуміння потрібне знання конкретної церемонії, але зміст поняття «хрест» неспіврозмірно глибший.

Більше того, можна стверджувати, що **будь-яке релігійне поняття є символом** – у цьому полягає особливість релігійної символіки. Тут доречно згадати слова соціолога **Роберта Белла**, який вивчав сучасні форми релігійності:

«Релігійні символи передають нам значення, навіть коли ми не питаємо, допомагають чути, коли ми не слухаємо, допомагають бачити, коли ми не дивимось».

Саме ця здатність релігійних символів передавати зміст і викликати почуття на дуже високому рівні – поза межами повсякденного досвіду – робить їх важливими як у житті окремої людини, так і в суспільному житті.

Інакше кажучи, будь-яка людська діяльність, або дискурсивна практика, яка звертається до релігійних символів поза межами релігії, прагне надати собі сакрального статусу. Це робиться для того, щоб підвищити її значущість зробити її такою, що не можна критикувати, або піддавати сумніву. Важко сперечатися з тим, що кожна влада прагне до сакралізації, кожна ідеологія хоче спиратися на абсолютні істини, щоб утримати свій авторитет. **Головна мета використання релігійного символу у нерелігійній сфері – це її легітимізація**. Звернення до символу і символіки допомагає створити враження законності, стабільності й поваги до традицій будь якого наративу. Однак це часто стає підґрунтям для маніпуляцій людською свідомістю.

Релігійна символіка дуже стійка – її формування може тривати тисячоліттями. Тому кожен справжній релігійний символ завжди звертає нас до глибокого досвіду поколінь – життєвого, духовного, інтелектуального. В залежності від життєвого шляху, рівня освіти, світогляду кожна людина розуміє ці символи по-своєму. Але релігійні символи втрачають своє значення, коли люди перестають розуміти або правильно тлумачити їх. Сучасній людині важко сприймати символіку, яка була зрозумілою і значущою для людей Середньовіччя. Адже ми живемо в зовсім іншому, секулярному світі, де втрачено зв'язок із традицією, бракує відповідної освіти та духовного досвіду. Крім того, зі зміною релігійної традиції змінюється і сприйняття символів. Наприклад, сьогодені образ Христа вже не такий сильний, як колись. Натомість з'являється більша увага до образу Агнця. Раніше ж Христос часто зображався як риба або виноградне гроно. Люди, навіть якщо вони належать до певної релігійної традиції, зараз вже

не помічають цих символів, бо для їхнього розуміння потрібне осмислення, духовний пошук, зустріч із чимось вищим – трансцендентним.

Але, незважаючи на «витривалість» релігійної символіки, в контексті релігійного символізму маємо згадати явище **десакралізації**. Це процес втрати священного змісту релігійних символів. Однією з вагомих його причин є **безглузде і неусвідомлене використання символів**. Інша причина – **свідома профанація**, тобто навмисне використання священних символів для маніпуляцій свідомістю людей, зокрема пропаганди. Наприклад, релігійні символи можуть використовувати для просування політичних, владних або навіть тоталітарних ідей, щоб надати їм видимість законності, важливості чи навіть святості.

Мабуть найчастіша причина десакралізації символів – це звичайне людське невігластво. Коли люди не знають або не розуміють сенсу символів, вони поступово втрачають зв'язок із культурою та

духовною традицією. Особливо це пов'язано із занепадом релігійного виховання в родині. Міжнародне право наголошує, що саме батьки мають право приймати рішення щодо релігійного виховання своєї дитини. Не держава, не друзі, а саме батьки передають дитині змалечку віру й релігійні уявлення. Це є важливою умовою збереження, зокрема, національної духовної культури та розуміння символів в контексті релігійної традиції.

Символи втрачають свою святість, коли їх занадто часто вживають без змісту. Це добре ілюструє третя заповідь Мойсея: «Не вживай імені Господа Бога твого намарно». Її суть у тому, що ім'я Бога має вимовлятися тільки в молитві або глибоких роздумах, а не в повсякденному мовленні. Так само й з символами – коли їх починають вживати у побутових або мирських цілях, вони «стираються», втрачають свій духовний сенс. Проте символи не зникають остаточно. Вони змінюються з часом: одні втрачають актуальність, інші – навпаки, знову стають важливими.

СИМВОЛИ ВТРАЧАЮТЬ СВОЮ СВЯТІСТЬ, КОЛИ ЇХ ЗАНАДТО ЧАСТО ВЖИВАЮТЬ БЕЗ ЗМІСТУ.

Особливо в складні періоди життя людства на перший план виходять глибинні, архетипні символи, про які писав Карл Юнг. Але кожен раз це – унікальна зустріч людини з трансцендентним.

Хочу також звернути вашу увагу на ситуацію, коли люди беруть участь у релігійних святах та звертаються до символів не тому, що щиро вірять або відчують святість події, а тому що так прийнято в суспільстві, коли нерелігійна людина здійснює певні традиційні ритуали лише тому, що так робить більшість. Це спосіб відчути себе частиною спільноти, зберегти зв'язок із родинною або національною традицією. "Моя бабуся так робила, і я також буду". Це не є чимось поганим, але для такої людини релігійне свято вже не має сакрального значення – воно перетворюється на традиційний звичай.

Щоб більш детально розібратись у природі символу, пропоную розглянути його зв'язки в загальнокультурному дискурсі.

- По-перше, **символ є атрибутом міфологічного мислення, складовою міфу**. Карл Густав Юнг вважав, що саме символ є причиною виникнення міфу, адже міф у своїй основі просякнутий символами.
- По-друге, символ – це атрибут релігії. Він є складовою обряду, ритуалу, сакральної дії. Через релігійні символи людина встановлює зв'язок із трансцендентним – тим, що виходить за межі звичного профанного досвіду.
- По третє – **символ як знак є частиною сучасної культури**. Він присутній у культурній спадщині, побуті, поведінці, тобто в повсякденному житті. Люди постійно використовують символи, часто навіть не

замислюючись про їхній глибокий зміст, бо вони виростили серед них.

В реаліях сучасності, де розвиваються інформаційні технології та штучний інтелект, можна сказати, що **символ – не лише знаковий, а вже віртуальний елемент нашого життя**. І в цьому контексті він вже трансцендує не від Абсолюта до людей, а в зворотньому напрямку, віртуалізується як складова ноосфери, "оболонки розуму", яка охоплює всю нашу планету. Адже трансцендентне сьогодні існує одночасно і в серці і в голові людини. Саме така природа символу – його "рафінована духовність" і водночас "повсякденна розмитість" у семіотичному просторі культури – робить його всюдисущим. Він присутній і в глибоких релігійних сенсах, і в буденності інформаційного суспільства.

Культурні особливості прямо впливають на вигляд і зміст символів, оскільки певна нація часто лежить в основі формування того чи іншого релігійного вірування. Священне є у кожному народі, однак форми його вираження – різні. Наприклад,

у східних культурах часто зустрічаються символи чоловічого й жіночого початку, адже їх поєднання вбачають виявом гармонії Всесвіту. У храмах Кхаджурахо чи Конарак ця тема подана відкрито, але для християнства таке зображення є непристойним, бо в біблійній традиції оголене тіло і неприхована сексуальність асоціюється з гріхом. У Стародавній Греції тіло людини шанували як вмістилище душі. Антична скульптура дозволяє зрозуміти, наскільки глибоко в Стародавній Греції цінували й возвеличували людське тіло. Натомість в юдаїзмі зображення оголеного тіла є недопустимим. Це все – етнокультурні традиції, які формують національну та релігійну символіку.

Кожен народ по-своєму інтерпретує загальні символи світових релігій. Це добре видно в перекладах сакральних текстів. Наприклад, як пояснити хліб, яким Ісус годував людей, індіанцю з Південної Америки, який ніколи не їв пшеничного хліба? Для нього "хліб" перекладають як "тортилья" – знайомий йому кукурудзяний коржик. Це ще раз підтверджує, наскільки важливим є національний контекст для місіонерів, які пояснюють релігію новим народам. Вони фактично займаються переосмисленням символів, щоб зробити їх зрозумілими на локальному рівні. Оскільки людина спочатку сприймає символ як образ, а вже потім наповнює його змістом. Мова – найпростіша знакова система, релігія – найскладніша. І мова, і релігія охоплюють усе людське життя, допомага-

ючи людині самоідентифікуватися. Без носія символу не існує, а цей носій завжди має національні риси. Водночас, існування символів втратило б сенс, якби вони не мали загальнолюдського змісту. Саме поєднання універсального змісту з національно забарвленою формою і робить релігійні символи зрозумілими та значущими для всіх людей в світі.

Мова і релігія – це основа, через яку людина пізнає себе і визначає свою національну приналежність. Звісно, людина може

самостійно вивчити мову чи прийти до віри, але цей шлях складніший і не такий природний. Природним є отримання мови та релігії у родині, але сьогодні така традиція передавання релігії зникає. Через це і відбувається десакралізація релігійних символів, які раніше були етнокультурної самоідентифікації.

Сучасні спроби повернути інтерес до певних релігійних традицій іноді виглядають штучно і незграбно, більше схожі на невдалі історичні реконструкції. Згадаємо, зокрема, спроби відродити українське язичництво. Треба розуміти: є речі, які вже не можна відновити так, як було раніше. Саме тому ми повинні з повагою ставитися до наших релігійних символів, традицій та ритуалів – не як до залишків минулого, а як до живих носіїв глибоких смислів, які формували духовність, мораль і культуру поколінь. Релігійні символи – це не лише елементи віри, а й глибинні смисли, які формують культуру, світогляд і ідентичність сучасної людини так само, як століття до нас. Їхнє збереження та осмислення – важливе завдання сучасної людини, яка прагне не загубити зв'язок з духовною спадщиною людства.

КАК БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ГОВОРИТ С НАМИ

В рамках нового выпуска журнала мы с радостью представляем интервью с **PhD Кэрол Шумейт** — исследовательницей, чьи идеи расширяют горизонты понимания человеческой природы.

Кэрол Шумейт — основатель и главный редактор журнала *Personality Type in Depth*, где пересекаются два мощных направления: теория психологических типов и глубинная психология. Она является партнёркой в компании *Type Resources, Inc.*, где участвовала в разработке уникального декодера функций и архетипов — программного инструмента, который показывает, как представители шестнадцати типов MBTI® переживают восемь юнгианских функций.

Кэрол активно публикуется в бюллетене *Psychological Type*, а также была членом совета Ассоциации *Psychological Type International*. Сейчас она работает над книгой, посвящённой **архетипу трикстера в лидерстве — парадоксальному и часто теневому аспекту нашей психики, с которым сталкиваются многие лидеры.**

ОГРОМНОЕ ВАМ СПАСИБО, ЧТО НАШЛИ ВРЕМЯ ДЛЯ ЭТОГО ВАЖНОГО РАЗГОВОРА. МЫ ИСКРЕННЕ ЦЕНИМ ВАШУ ОТКРЫТОСТЬ И ГОТОВНОСТЬ ПОДЕЛИТЬСЯ СВОИМИ РАЗМЫШЛЕНИЯМИ.

В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ НОВОГО ВЫПУСКА НАШЕГО ЖУРНАЛА Я ПОДГОТОВИЛА НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ЕГО КЛЮЧЕВОЙ ТЕМОЙ. НО ПРЕЖДЕ ЧЕМ МЫ ПЕРЕЙДЁМ К НИМ, МНЕ БЫ ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ УЗНАТЬ, НАД ЧЕМ ВЫ РАБОТАЕТЕ СЕЙЧАС. НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ РАССКАЗАТЬ НЕМНОГО О ВАШЕМ ТЕКУЩЕМ ИССЛЕДОВАНИИ И О ТОМ, ЧТО ЗАНИМАЕТ ВАШЕ ВНИМАНИЕ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ?

— Сейчас я работаю над книгой с рабочим названием **«Лидеры-трикстеры, культура-трикстер»**.

Я считаю, что сегодня мы все живём в **культуре трикстера**, что на сегодняшний день является глобальным явлением. **Трикстер — это архетип обмана, а человеческая способность к обману поистине безгранична.** Сегодня мы живем

Кэрол Шумейт

в мире, где уже нельзя доверять даже фотографиям — они могут быть изменены с помощью искусственного интеллекта. Мы не можем доверять нашим лидерам, потому что они научились очень убедительно лгать. И даже нашим институтам доверять сложно — кажется, что они нами манипулируют. Возможно, так было всегда, но сейчас это выглядит особенно остро.

Интересно то, что **трикстер — архетип универсальный**, он присутствует во всех коренных культурах. В каждой культуре есть своя фигура трикстера, своё проявление этой энергии.

В Европе наиболее известный пример — это Средневековье. Хотя это не слишком глубокая древность, в ту эпоху существовал праздник под названием «пир дураков». Во время него иерархии переворачивались с ног на голову: деревенский шут становился папой, ребёнка провозглашали епископом, слуга — королём. Мессу проводили в часовне, а прихожане вместо пения издавали звуки осла.

Такой насмешливый ритуал высмеивал самое священное — **литургию**. Но юмор в этих обрядах играл важную роль: **он способствовал сплочённости общества, укреплению социальных связей.**

Фигуры трикстера могут быть разрушительными, но в то же время — и объединяющими. Поскольку они абсурдны и гротескны, общество как бы сплачивается вокруг них. Все смотрят на дурака и думают: «Ну, мы хотя бы не такие». Таким образом, **трикстер принимает на себя негативные черты человека, выполняя своего рода катарсическую функцию.**

Но если дать трикстеру полную свободу — если он полностью овладеет обществом, — последствия могут быть разрушительными. Это может подорвать все культурные и социальные институты. Мы уже видели, как это происходит. Вспомним, например, Гитлера, который, безусловно, исполнял роль разрушительного лидера-трикстера во времена Второй мировой войны. Он разрушал не только Европу, но и институты своей собственной страны — шаг за шагом.

Так что фигура трикстера может быть невероятно деструктивной, но и конструктивной тоже. И, как ни странно, **лучший способ справиться с трик-**

стером — это встретить его на его же уровне, использовать ту же трикстерскую энергию.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВПЕЧАТЛЯЮЩАЯ И ГЛУБОКАЯ РАБОТА. СПАСИБО, ЧТО ПОДЕЛИЛИСЬ ЭТИМ С НАМИ.

ТЕПЕРЬ Я БЫ ХОТЕЛА ЗАДАТЬ БОЛЕЕ КОНКРЕТНЫЙ ВОПРОС, СВЯЗАННЫЙ С СИМВОЛАМИ. СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ СИМВОЛЫ, КОТОРЫЕ РАБОТАЮТ ОДИНАКОВО ДЛЯ ВСЕХ, ИЛИ КАЖДЫЙ ВКЛАДЫВАЕТ В НИХ СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ СМЫСЛ?

— И то, и другое. **Символ может быть объединяющим, универсальным — и в то же время глубоко личным. Как правило, символы приходят к нам в виде образов.**

Например, один из самых известных объединяющих символов — это восточный **символ Инь и Ян**: чёрное и белое, тьма и свет, два начала в равновесии. Его знают практически все — это символ целостности и баланса.

Ещё один пример — **кадуцей**. Вы, наверное, знаете этот символ: посох, обвитый двумя змеями, — эмблема медицины и врачей. Это тоже объединяющий символ, потому что змея с древности символизирует и яд, и исцеление. Ведь яд в малых дозах может быть лекарством. В этом образе сочетается противоположное — как в самой медицине:

опасность и помощь, разрушение и восстановление.

Есть и очень сильный для меня **визуальный символ — фотография времён падения Берлинской стены.**

Вы, возможно, видели её: на стене, которая раньше символизировала разделение, границы, тюрьму, сидят и стоят берлинцы, бросая вызов восточным пограничникам. На стене кто-то написал по-английски слово *freedom* — «свобода». Эта фотография, где слово «свобода» соседствует с людьми, победившими страх, — для меня пример того, как даже символ разделения может стать символом единства.

Но символы бывают и глубоко личными. Я расскажу о сне одной из моих студенток. Ей приснилась кошка, расчечённая пополам. Она видела её внутренности — розовые, без крови, как будто всё было заморожено. Но несмотря на это, кошка двигалась и бегала вокруг её ног, выписывая восьмёрку.

Что же здесь символизирует символ целостности? Возможно, сама кошка. Но точно — это восьмёрка, символ бесконечности. Кошка — хотя и повреждённая, «разрезанная» — продолжает двигаться, продолжает жить.

Когда она рассказала мне этот сон, она добавила: *«Через несколько недель после этого я встретила человека, который стал моим вторым мужем».*

Здесь важен контекст: женщина прожила 17 лет в браке с алкоголиком, и, когда развелась, чувствовала себя глубоко сломанной, особенно в своей женственности, сексуальности.

Кошка в её сне — как образ этой раненой чувственности. Но символ восьмёрки, **знак бесконечности, показывал: она всё ещё целостна.** Она — в движении. Она — жива. Пусть она этого сразу и не увидела, но **символ пришёл, чтобы напомнить: ты — в порядке, ты цела.**

Я до сих пор не могу рассказывать об этом без эмоций. Это очень тронуло меня — как **символ в одном сне может сказать человеку: «Ты всё ещё на ме-**

сте. Всё ещё функционируешь. И впереди — хорошее».

ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ГЛУБОКО ТРОГАТЕЛЬНАЯ И СИЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, СПАСИБО ВАМ БОЛЬШОЕ ЗА ЭТОТ ПРИМЕР. Я БЫ ХОТЕЛА НЕМНОГО БОЛЬШЕ УЗНАТЬ О ТЕМЕ СНОВ. КАК, НА ВАШ ВЗГЛЯД, МЫ МОЖЕМ НАУЧИТЬСЯ ЛУЧШЕ ПОНИМАТЬ СВОИ СНЫ?

— Думаю, лучший инструмент для понимания снов — это знание психологического типа. Хотя, конечно, есть и другие замечательные подходы. Но именно типология помогает понять, какие ментальные функции вы предпочитаете.

Например, есть две базовые функции, которые понятны всем — это **мышление** и **чувство**. Они противоположны. Мы можем принимать решения, опираясь либо на логику (мышление), либо на личностные и этические критерии (чувство).

Допустим, вам предлагают новую работу в другом городе с гораздо более высокой зарплатой. Если вы мыслительный тип, то, скорее всего, сразу

СИМВОЛЫ —
ЭТО ЯЗЫК НЕВИДИМОГО,
ПРОИЗНЕСЁННЫЙ В ВИДИМОМ
МИРЕ.

~ Гертруда фон Ле Форт ~

скажете себе: «Да, это логичный следующий шаг в моей профессиональной карьере».

Но где-то внутри может прозвучать тихий голос чувства: «Но мне нравится город, в котором я живу. Здесь мои друзья, моя среда».

Однако человек мыслительного типа склонен игнорировать этот голос и следовать логике. Если же вы относитесь к типу чувствующего, вы, наоборот, подумаете: «Да, это хорошее предложение. Зарплата выше. Но я не хочу покидать родной город. Здесь мой дом, мои близкие». И, возможно, даже не станете всерьёз рассматривать переезд, несмотря на все выгоды.

И вот в чём суть: будь вы мыслительный или чувствующий тип, у вас есть **склонность игнорировать противоположную сторону**.

Это похоже на поведение человека после инсульта — он может не замечать, что происходит на одной стороне тела или в пространстве. Так и здесь — **наш психологический тип склоняет нас к одностороннему восприятию**. Но если мы изучим свой тип, мы сможем научиться слышать и другую сторону, и тогда сможем принимать более сбалансированные, осознанные решения.

ПОЗВОЛЬТЕ УТОЧНИТЬ: МОЖЕТ ЛИ, ПО-ВАШЕМУ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП, СОГЛАСНО ЮНГУ, МЕНЯТЬСЯ С ТЕЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ, ИЛИ ОН ОСТАЁТСЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СТАБИЛЬНЫМ НА ПРОТЯЖЕНИИ ЖИЗНИ?

— Да, психологический тип, по Юнгу, — это одновременно и врождённое, и подвижное качество. Он и устойчив, и способен к изменению.

Наука о поведении в последние десятилетия также собрала немало свидетельств того, что многие черты, ранее считавшиеся неизменными, на самом деле могут меняться. Даже некоторые генетические особенности способны трансформироваться в течение жизни без внешнего вмешательства. Это явление называют нейропластичностью мозга.

Юнг говорил, что мы рождаемся с определённым психологическим типом — это заложено в нас от природы. В первую половину жизни тип проявляется через предпочтения, например, склонность к мышлению или

к чувствованию. Эти предпочтения направляют нас в сторону тех ролей, в которых мы чувствуем себя уверенно и которые соответствуют нашей природе. Именно через них мы строим свою профессиональную идентичность и укрепляем эго.

Но в середине жизни, как утверждал Юнг, происходит нечто важное. Он не уточнял, в каком именно возрасте наступает **«середина жизни»** — это индивидуально. Однако он отмечал, что **когда мы реализовали свои ведущие функции и закрепились в привычных ролях, может наступить скука, опустошение. И тогда из бессознательного начинают подниматься функции, которые ранее не были в центре внимания.** Они требуют, чтобы мы обратили на них внимание. Но часто человек пытается подавить эти «второстепенные» качества, говоря себе: «Нет, это не про меня. Я такой, какой я есть. Это — единственно правильный способ жить».

Такой отказ от внутреннего развития Юнг называл **«регрессивным восстановлением персоны»** — человек **цепляется за свою прежнюю маску, прежнюю цель, прежнее эго, а иногда и за молодость.** Конечно, все мы в какой-то мере стремимся сохранить молодость, но не каждый доводит это до крайности — развод, партнёр на 30 лет младше, новая семья и так далее.

Когда человек пытается удержать свою «старую» жизнь вместо того, чтобы идти вглубь себя, может наступить так называемый кризис среднего возраста. Всё, что раньше приносило радость, больше не работает. И тогда кто-то пытается делать ещё больше того же самого — добиваться, достигать, контролировать — надеясь вернуть ощущение **смысла.** Но, на самом деле, **вторая половина жизни требует другого — отказа от прежних опор и открытия в себе тех граней, которые раньше были неосознаваемыми.**

СКАЖИТЕ, СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО СИМВОЛЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СПОСОБНЫ ТРАНСФОРМИРОВАТЬ ЛИЧНОСТЬ?

— Для меня **символы — это скорее указатели на пути индивидуации, то есть на пути глубокой трансформации личности.** Я не вижу в символах саму трансформацию, но они показывают, что она происходит. Что перемены, пусть даже болезненные или неожиданные, могут в конечном итоге быть положительными. А **символы — это мост между бессознательным и сознанием.** В нашем бессознательном много мудрости, но и много темноты. Оно содержит и хорошее, и пугающее. Символ, который возникает, даёт нам доступ к частичке этого внутреннего мира.

КАК, ПО-ВАШЕМУ, МОЖНО РАСПОЗНАТЬ МОМЕНТ, КОГДА СИМВОЛ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ — НЕ ПРОСТО ПОЯВЛЯЕТСЯ ВО СНЕ ИЛИ В ВООБРАЖЕНИИ, А СТАНОВИТСЯ ПОДЛИННЫМ ВНУТРЕННИМ ОПЫТОМ, СПОСОБНЫМ ИЗМЕНИТЬ ЧТО-ТО В ЧЕЛОВЕКЕ?

— Когда внутри тебя что-то меняется. Я расскажу одну историю.

Это было много лет назад, когда я только пришла работать в новый отдел. Там была женщина, которая всегда сидела, скрестив руки, и от неё буквально исходила волна неодобрения — по крайней мере, так мне казалось.

Однажды я участвовала в психологическом тренинге. Одним из упражнений было следующее: «Представьте человека, с которым у вас существует внутренний конфликт». Сразу возник образ той самой женщины. И ведущий повёл нас через цепочку визуализаций: сначала вы видите этого человека, потом начинаете говорить с ним, затем просите прощения, держите его за руки, обнимаете. Шаг за шагом вы приближаетесь к этому человеку — и внутренне сближаетесь с ним.

А через некоторое время я случайно встретила её на парковке. И вот она — сама — подходит ко мне, обнима-

ет за плечи и говорит: «Как ты?». Я была потрясена. У нас не было никаких разговоров или конфликтов после той визуализации. **Но произошло что-то невидимое.**

Я думаю, что **символ в воображении — объятие, примирение — как-то отразился и на реальности.** Это поразительно. Настоящее доказательство того, как глубоко мы связаны на уровне психики.

Так что, **символ «работает», когда что-то меняется — в тебе или в окружающем мире.** Но чаще всего ты не осознаешь внутреннюю перемену напрямую. Ты замечаешь её по тому, как начинают вести себя другие. Или по мелким изменениям в атмосфере.

ЗНАЧИТ ЛИ ЭТО, ЧТО СИМВОЛЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МОГУТ МЕНЯТЬ НАШЕ МЫШЛЕНИЕ?

— Да, думаю, могут. Но **обычно мы осознаём это не сразу.** Проходит время, и вдруг ты оглядываешься назад и понимаешь: да, это был знак.

И это не обязательно сон или мысль. Это может быть даже птица, пролетевшая в небе в тот самый момент, когда ты посмотрел вверх.

Ты почему-то её заметил. И если ты спросишь себя: **«Почему именно сейчас это привлекло моё внимание?»** — возможно, это сигнал из бессознательно-го. Ты будто получаешь сообщение — и если начнёшь расшифровывать его, ты узнаешь что-то важное о себе.

ПРОДОЛЖАЯ РАЗГОВОР О ВНУТРЕННЕМ ЗНАНИИ О СЕБЕ, ХОТЕЛОСЬ БЫ УТОЧНИТЬ: КАКИЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, САМЫЕ РАСПРОСТРАНЁННЫЕ ОШИБКИ СОВЕРШАЮТ ЛЮДИ, ОСОБЕННО НОВИЧКИ, КОГДА ПЫТАЮТСЯ ОПРЕДЕЛИТЬ СВОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП? И КАК МОЖНО ПОДОЙТИ К ЭТОМУ БОЛЕЕ ТОЧНО И ОСОЗНАННО?

— Думаю, одна из самых распространённых ошибок — **это полагаться на онлайн-тесты.** Некоторые из них, возможно, и неплохи, но, вообще говоря,

чтобы психологическая методика считалась надёжной, она должна пройти множество стадий тестирования — на валидность, надёжность и воспроизводимость. Если инструмент не прошёл такую проверку, ему нельзя доверять. А большинство того, что вы видите в интернете, не прошло должной верификации.

Методики, которые действительно прошли научную проверку, как правило, платные — просто потому, что разработка и тестирование таких инструментов стоит дорого.

Поэтому **первая ошибка — принять результаты онлайн-теста за истину и считать, что он точно отражает вашу личность.** Даже если тест валидный, он всё равно основан на самоотчёте, а это всегда субъективно. Мы не всегда точно оцениваем самих себя. Мы можем не замечать каких-то своих черт или искажать их. Поэтому считать, что резуль-

тат теста — это и есть ваш «настоящий тип», — заблуждение.

Именно поэтому **очень важно проходить интерпретацию с профессионалом.** Я, например, когда определяю тип человека, предпочитаю говорить с ним о детстве, юности, о том, каким он был в двадцать лет. Это позволяет увидеть, как развивалась личность. А у каждого типа траектория развития — своя, и в этом уже содержится важная подсказка.

Кроме того, тип часто можно распознать по внешнему поведению: по жестам, мимике, манере двигаться, держаться.

Ещё одна распространённая **ошибка — считать, что тест или даже специалист скажет вам, кто вы есть.** На самом деле всё надо проверять на собственном опыте, на том, что вы знаете о себе. Потому что лучший эксперт по себе — это вы сами.

Но тут возникает другая проблема: некоторые люди, немного узнав о типологии, начинают мечтать быть каким-то конкретным типом — так называемый «тип-устремление». Они хотят быть, например, такими, как ENTJ — тип, который часто встречается среди корпоративных руководителей.

Несколько лет назад Гарвардская бизнес-школа провела тестирование MBTI среди студентов, и многие пытались «обхитрить» тест, чтобы получить тип ENTJ. Они считали, что именно такой тип нужен, чтобы добиться успеха в бизнесе. Но это, конечно, ошибка.

Потому что на самом деле любой тип может заниматься любой профессией. Да, действительно, в некоторых профессиях чаще встречаются определённые типы — скажем, одни чаще идут в финансы, другие — в армию, третьи —

в управленческую сферу. **Но суть не в том, чтобы соответствовать профессии, а в том, чтобы понять, кто вы есть на самом деле.**

Психологический тип — это как программное обеспечение, которое работает в фоновом режиме. Вы его не видите, но оно влияет на все ваши решения и реакции, начиная с самого детства.

Мы до конца не знаем, откуда берётся тип — выбираем ли мы его или он задан изначально. Но ясно одно: он формирует то разнообразие, которое делает нас такими разными и уникальными.

Если вы не знаете, какое «программное обеспечение» управляет вами, то продолжите действовать «по умолчанию». А если узнаете, то сможете осознанно переписать некоторые «настройки» — и тогда станет ясно, куда вы можете и должны расти.

Тип — это ключ к развитию. Но это уже вопрос следующего этапа, и мы поговорим об этом дальше.

ДА, НЕ ТАК УЖ МНОГО ЛЮДЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МОГУТ СКАЗАТЬ О СЕБЕ ПРАВДУ.

— Да, совершенно верно. Именно поэтому так важно изучать типологию. Это как зеркало, в которое мы впервые по-настоящему заглядываем.

И В ЗАВЕРШЕНИЕ — ХОТЕЛОСЬ БЫ ЗАДАТЬ ФИНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ДАЁТ ЧЕЛОВЕКУ ОСОЗНАННОЕ ПОНИМАНИЕ СВОЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА? КАК ЭТО МОЖЕТ ПОВЛИЯТЬ НА ЕГО ВНУТРЕНнюю ЖИЗНЬ И ОТНОШЕНИЯ С ОКРУЖАЮЩИМИ?

— Прежде всего — самопринятие. Как только человек узнаёт свой тип, он вдруг осознаёт: «Ах, вот почему я такой!». Появляется ощущение, что ты принадлежишь к определённой категории людей, у которых есть своя система предпочтений, свои ментальные функции. И в этом осознании есть большое утешение и внутренний покой.

Но есть и ещё один важный эффект: **ты начинаешь лучше понимать, какое впечатление производишь на окружающих.** А это то, чего мы зачастую вообще о себе не знаем — особенно в молодости. Поэтому мне так нравится помогать людям открывать себя через тип.

Дело в том, что все мы склонны проецировать на других. Например, я однажды проецировала на женщину, которая сидела с скрещёнными руками, мысль, что она осуждает меня — хотя это вовсе не соответствовало реальности. Это была моя иллюзия.

И особенно сильно мы проецируем на тех, чей тип противоположен нашему. Мы неосознанно приписываем им негативные качества — просто потому, что у них другие доминирующие функции.

Изучая свой тип, человек может понять, на кого он несправедливо проецирует и к кому испытывает необоснованные предубеждения. А ещё — увидеть, что другие проецируют на него.

Когда вы понимаете, как проявляется ваша доминирующая функция, становится ясно, почему кто-то может счесть вас, например, застенчивым —

просто потому что вы молчаливы. Или, наоборот, кто-то может решить, что вы несерьёзны, только потому что вы разговорчивы.

Каждая черта личности вызывает у других определённое восприятие, которое может совершенно не соответствовать действительности. И вот знание своего типа помогает подготовиться к этим искажениям. Например, вы идёте на собеседование и уже знаете, какое впечатление можете произвести — и как это скорректировать. И в этом, пожалуй, и заключается главное — знание своего типа не только углубляет самопонимание, но и даёт практические инструменты для жизни. Оно помогает видеть себя яснее и взаимодействовать с миром осознаннее.

СПАСИБО ВАМ ОГРОМНОЕ ЗА ЭТУ БЕСЕДУ. ЭТО БЫЛО НЕ ПРОСТО ИНТЕРВЬЮ, А ГЛУБОКИЙ И ЖИВОЙ ДИАЛОГ, КОТОРЫЙ, УВЕРЕНА, ОТКЛИКНЕТСЯ МНОГИМ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ! ВАШИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СИМВОЛАХ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ, БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ — ЭТО ОЧЕНЬ ЦЕННО. Я ИСКРЕННО БЛАГОДАРНА ЗА ВАШУ ОТКРЫТОСТЬ, ЯСНОСТЬ И ТУ ВНУТРЕНнюю ТЕПЛОТУ, С КОТОРОЙ ВЫ ДЕЛИТЕСЬ СВОИМ ЗНАНИЕМ.

СИМВОЛ – КЛЮЧ К ЗНАНИЯМ

Не будет преувеличением сказать, что символ — это одно из самых загадочных и глубоких явлений в жизни человека. На первый взгляд он может казаться всего лишь знаком или изображением, но на самом деле за ним скрывается целый мир смыслов и чувств, которые так или иначе воздействуют на человека. Но как? Более того, **может ли символ формировать философию человека?** Этот вопрос встаёт особенно остро, если учесть, что символы не просто отражают внутренний мир личности, но и способны направлять её мышление, формировать ценности и мироощущение. Ведь символ — это не только образ, но и носитель глубинного смысла, который может быть осознан или оставаться скрытым.

Однако до сих пор нет чёткого понимания, как символ воздействует на память, какие психофизиологические реакции он вызывает, по каким законам формируется, и главное — что вообще делает символ символом. Мы лишь на пороге осознания его трансцендентного измерения и методики работы с ним. Перед нами открывается одна из самых загадочных и перспективных дорог современной науки.

Символ имеет такую силу, которая без ведома самого человека, в его памяти запускает определенные механизмы, которые превращаются затем в некую реализацию. Новое направление в академической науке позволит говорить о символьной философии с точки зрения философских категорий, что позволяет не только показать, как выглядит язык символики, но и определить его способы использования, поскольку символ интересен именно с прикладной точки зрения.

Ph.D Александр Сагайдак, как эксперт, юнгианский аналитик, Глава психологической Ассоциации «Теурнг» отметил значение символов и скрытые в них механизмы на примере такого древнейшего символа, как **пентаграмма**. Сейчас этот символ считается древним, но было время, когда он только

СИМВОЛ — ЭТО ЗАГАДКА, ЭТО ДРУГОЙ ЯЗЫК, ЯЗЫК ДУХОВНЫЙ.
ЗА НИМ СТОИТ РАЗГАДКА, НЕВЕДОМАЯ НЕПОСВЯЩЁННОМУ. ТАК,
СИМВОЛ СЛОВНО ОТДЕЛЯЕТ НЕЗНАЮЩИХ ОТ ЗНАЮЩИХ.

— Академик Григорий Семёнович Попов

появился. Произошло это, предположительно, во время пифагорейской школы, и сам Пифагор начал использовать этот символ в античной цивилизации. На смену какому символу он пришел? Поскольку был символ более древний, который сменила **пентаграмма**. Ученые предполагают, что более древним символом был **лабрис** или «символ двойного топора». Лабрис символизировал собой дуальность. К примеру, на данный момент говорится, что крайности вредны, и нужно искать золотую середину. Однако на то время, когда главным символом был **лабрис**, крайности не были вредны. Человека в те времена можно описать как **беспокойную, ищущую натуру**, кото-

рая металась между разными взглядами и путями. Именно он становился основой для тогдашнего понимания этики, морали и культуры. И символом этого внутреннего поиска и раздвоенности стал **лабрис** — древний двусторонний топор. Пифагор же в свое время предложил принципиально иной символ — пентаграмму, в который заложен принцип центростремительного движения с пяти сторон. По сути, с пяти уровней человеческого естества к движению в центр (внутренняя концентрация, погружение в себя, целостность). И когда люди того времени взаимодействовали с символом пентаграммы, им открывался совсем другой мир, совсем другая система ценностей.

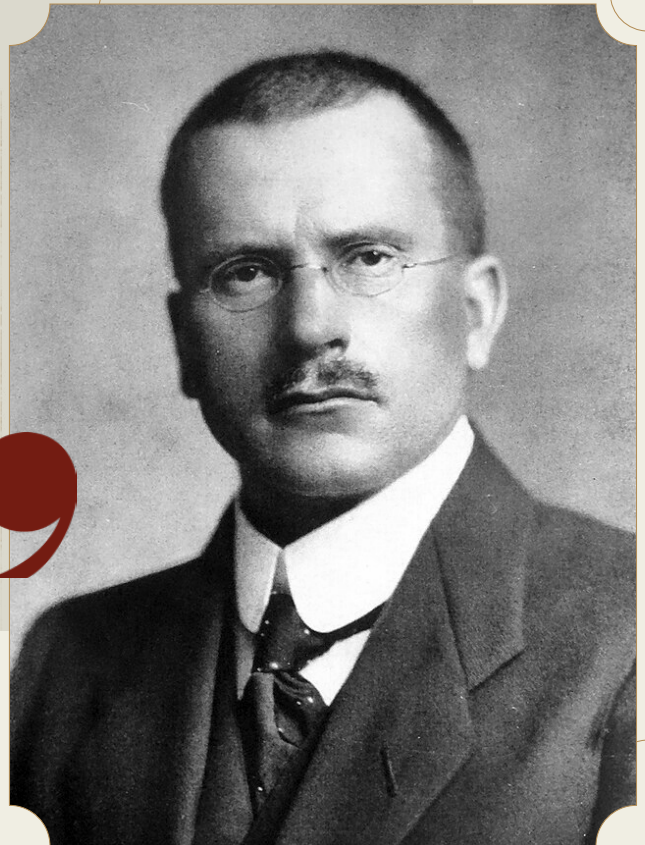
Точно также же символы Юга Италии открывают на психологическом уровне доступ к другой системе ценностей и другому восприятию мира, что подробно описано в статье [«Символы, меняющие судьбу»](#).

На самом деле, мы до сих пор не понимаем, что именно делает некий образ символом и как он способен передавать информацию через поколения. Мы почти ничего не знаем и о том, почему люди по-разному реагируют на один и тот же символ, и как можно предсказать или хотя бы объяснить эти реакции. Вот простой пример: одни туристы могут испытать трепет и волнение, увидев статуи святых — скажем, Святого Рока или Архангела Михаила. А другие — вообще ничего не почувствуют, просто пройдут мимо. Почему так происходит — непонятно. Хочется верить, что в будущем появятся инструменты, вроде проективных тестов, и научная модель, которая поможет нам разобраться в этом загадочном языке символов.

СИМВОЛ ВСЕГДА ЗАКЛЮЧАЕТ
В СЕБЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЕГО
ОЧЕВИДНОЕ И СРАЗУ
ПРИХОДЯЩЕЕ НА УМ
ЗНАЧЕНИЕ.

~ Карл Густав Юнг ~

Однако сегодня со всей отрешённой уверенностью мы констатируем просто факт: мы эмпирически понимаем, что у символа существует некий свод функций, своя роль в истории, своя невидимая система взаимодействия с данными мировой памяти, хотя досконально об этом мало что известно.

Впрочем, нельзя отрицать и тот факт, что некоторые наработки, как минимум, сформулированные вопросы и указанные вехи будущих перспективных исследований всё же представлены. Например, такие великие умы как Зильберер или Медер.

Конкретнее, одним из первых, кто активно прокладывал путь к изучению символа, был именно **Зильберер**. Он предпринял первые попытки перевести образы на язык глубинной психологии, изучая галлюцинации и мании.

В его книге «Проблемы мистики» описано, что все самые глубокие воображения и символы находятся не снаружи, а внутри нас самих, а внешний мир лишь тренирует человека, отражая внутренние процессы. Согласно его учению, символы можно разделить на три основные группы:

1. Материальная символика – это символы, связанные с материальными фор-

мами мыслей, размышлений и содержанием представлений.

2. Функциональная символика – осознанные и неосознанные принципы работы души. Она описывает структуру состояний и действий души, способы её функционирования и местоположение в момент определённого психического процесса.

3. Соматическая символика – символы, отражающие телесные процессы и обаяние тела.

Зильберер писал:

«Посредством «назад смотрящих» элементарных типов мы видим в воображаемом инфантильное вместе с неэтичными корнями, которые в нас открыл психоанализ. С помощью этих же типов мы замечаем направление мыслей, ведущих к тем или иным целям».

Эти элементарные типы, по Зильбереру, представляют собой духовные радикалы

души, аналогичные архетипам Карла Густава Юнга. И самое важное — они есть в каждом человеке.

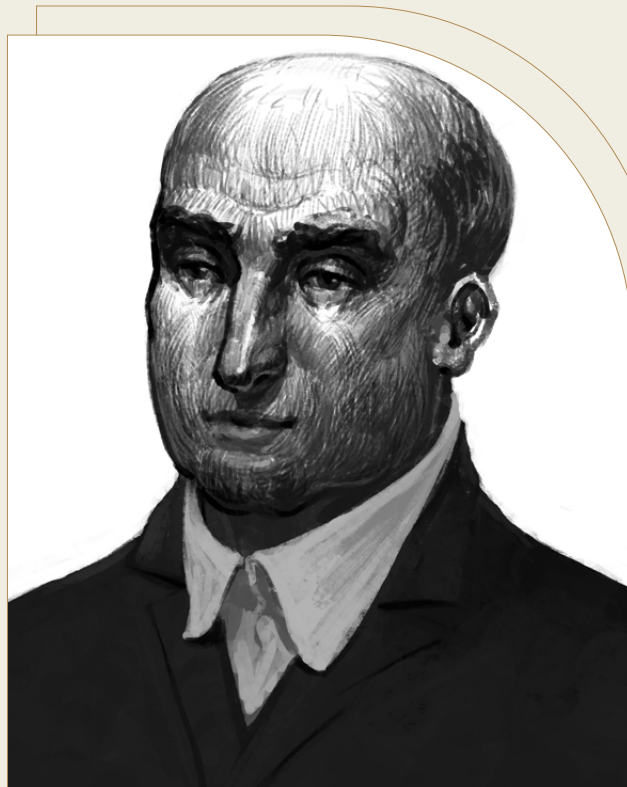
Согласно аналитической психологии **Карла Юнга**, язык символов раскрывается через образы, связанные с **архетипами**, которые живут в глубинах коллективного бессознательного. В своей работе «Дух психологии» Юнг особенно подчёркивает значение алхимической символики, считая её одним из ключевых источников представлений о мире через символы. Он также выдвигает интересную гипотезу: сознательное «Я» воспринимает себя как окружённое множеством маленьких светящихся точек — словно это образы, вспыхивающие из бессознательного.

Хотя Юнг и его последователи проделали огромную работу — у самого Юнга, к примеру, 72 основополагающих труда, — более чем в половине из них так или иначе рассматривается тема **символа как чего-то трансцендентного**, то есть выходящего за пределы обычного опыта и знания. Однако, несмотря на всё это, до сих пор не существует чёткой модели, которая бы объясняла, каким именно образом некая внутренняя субстанция или образ превращается в символ.

Юнг говорил:

«Любой психический продукт, когда он в этот момент ещё неизвестен или у него нет какого-либо самого лучшего выражения, ещё неизвестного или просто известного факта, может быть воспринят как символ.» Под энергетическим аспектом Юнг определяет символ «как психологическую машину, которая преобразовывает энергию (см. книгу Юнга «О психической энергетике»).

По факту, исходя из наблюдений Юнга, **символ выступает неким преобразователем данным в человеческой памяти**. Для Юнга, в частности, символ — это не аллегория (намеренное переписывание или изменение знакомой вещи) и не знак (символ), «а картина с большей частью

осознанного трансцендентного содержания» (см. книгу Юнга «Символы преобразования» и «О психической энергетике»). Из заявленного мы могли бы заключить, что за символом кроется ни что иное, как некое **трансцендентное знание**, которое для непосвящённого человека — тайна и загадка.

Безусловно, каждый исследователь подходил к символике по-своему, используя свой метод. Но изначально интерес к символам появился, конечно, благодаря клинической практике. Ведь до сих пор никто точно не знает, как именно люди реагируют на символы — почему одни откликаются на определённые образы, а другие нет. Причём реакции у всех очень разные, и мы до сих пор не понимаем, почему так происходит.

А между тем именно символы помогают нашей памяти — они как бы упорядочивают информацию, соединяя прошлое, настоящее и будущее. Это своего рода механизм хранения и восстановления воспоминаний. Но даже сегодня мы не можем объяснить, как именно нечто внутреннее или внешнее вдруг становится символом.

Несколько распутать клубок неизведанного и рассеять мифологический туман неявного нам может помочь академик **Григорий Семёнович Попов**. Именно этот великий (без преувеличений!) советский учёный, чьи труды долгое время неизменно помечались грифом «совершенно секретно государственной важности», в 30-х г.г. XX века использовал символическую составляющую памяти человека для подготовки и обучения выдающихся кадров, экспертов и мастеров своего дела (от военкомандующих – до инженеров и изобретателей).

В ключе данной статьи я хотела бы изложить некоторые принципы, отражающие **функционал символа как структурного элемента памяти**. Сегодня нам в НИИ Памяти об этом известно благодаря рукописям и архивным документам, сохранившихся ещё с начала 20 столетия.

Итак, первая ключевая посылка выглядит так: **способ архивации данных в памяти человека определяет символ**. То есть, непосредственно символ как механизм «отве-

чает» за то, как данные, попадая в память, архивируются в её банках данных. Для этого наша память, формирующая блоки информации, ранжируя их по группам, определяет, «куда и какие данные попадут» посредством объёма связанных дескрипторов, которые впоследствии превращаются в символы.

В итоге, как работает символ и как это связано с нашей памятью? Я приведу некоторые тезисы доклада Олега Викторовича Мальцева, который состоялся в рамках заседания Психолого-Философского Научного сообщества.

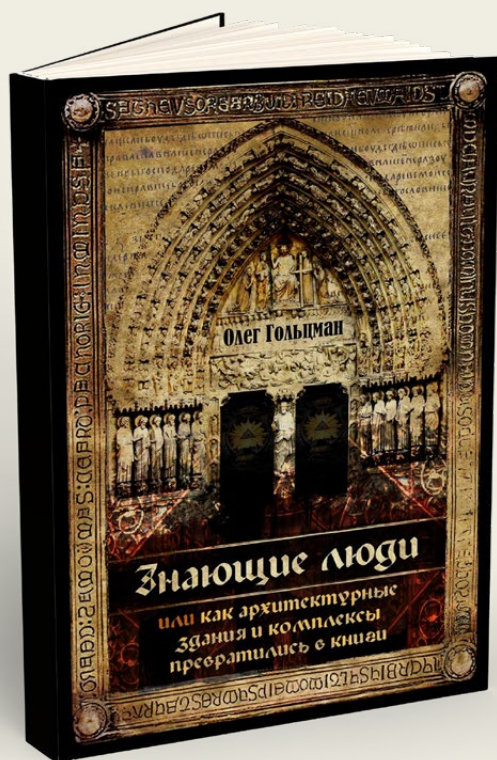
Главный человеческий символ – это имя человека. Например, Беовульф. Мы слышим буквально одно слово – «Беовульф», и мгновенно распаковывается целая история: как молодой воин из народа гетов отправился за море на помощь данам, чтобы избавить их от ночного чудовища Гренделя, терроризирующего зал короля Хротгара; как после победы он сразился с ещё более страшной матерью Гренделя, живущей на дне озера; как позже, уже будучи королём, он отдал жизнь в бою с огнедышащим драконом, чтобы спасти свой народ. Так работает **распаковка** или, иначе говоря, **«разархивация»** – за одним именем стоит целый миф.

Соответственно, мы могли бы заключить следующее:

1. Символы являются базовыми архиваторами памяти и разархиваторами памяти.
2. Символы (и данные, стоящие «за символами») являются предпосылками исторического формирования двух таких фундаментальных наук как психология и философия.
3. Символы связывают прошлое и настоящее.

Разархивация как процесс наилучшим образом демонстрирует, как соединяется вне времени прошлое и настоящее. Примером тому опять же может послужить Имя. (Имя героя назвали – распаковалось сказание, история о нём и его жизненном

пути). **Зашифровка объема данных, замыкающихся на символ — это образец формирования связи настоящего и будущего.** (Условно, запаковка в архив).

Следовательно, в тот момент времени, когда человек, например, попадает в некую аналогичную ситуацию, с течением которой принципиально он уже знаком, то есть, понятно последующее развитие событий или попросту будущее — это прототипологическое повторение прошлого. **Прототипы — это базовые величины,** как их называл Г. С. Попов — транспортные средства судьбы, которые при вращении из прошлого в будущее распаковывают за собой посредством символической диаграммы весь объем данных, присущий этому прототипу.

Так как весь мир прототипологичен, то есть, подчиняется прототипологической логике, то **архивация и разархивации данных происходит постоянно.** Одни данные заархивируются: что значит, прототип «выходит из поля зрения» и становится единовременно предпосылкой будущего. А то, что разархивировалось, стало настоящим.

У академика Попова также представлено понятие **«бесхарактерное свойство**

символа» — это свойственно тем случаям, когда символ не обладает данными, то есть, не разархивирует их, поскольку они не являются частью нашей памяти. Если свести данное высказывание к максимальной простоте «бесхарактерность» символа проявляется всякий раз, когда **он попадает в поле вашего зрения...и ничего не происходит.** То есть, смотрим на символ и даже как символ его не воспринимаем — так, какой-то очередной элемент, повстречавшийся на пути.

Однако, это вовсе не свидетельствует о том, что за символом не кроются тщательно упакованные данные. Это не так! Просто архив данного символа секретен, что и подчеркивает бесхарактерное свойство символа, словно это символ без характеристик, без информационной нагрузки. На самом деле, банк данных имеется в наличии, просто мы его не воспринимаем в силу незнания, непонимания, отсутствия образования и так далее.

Нет характеристик, значит, архив символа не является частью блока нашей памяти — так пояснял академик Г. Попов. Например, если человек никогда не видел креста, ничего о нем не знает, он просто проходит мимо этого символа. Разархивации не происходит, нет отсылки «к христианству» и так далее, поскольку **прежде требуется сначала что-то знать об этом символе.**

Так, индивид сначала архивирует данные, а затем ими пользуется, в том числе, бессознательно. При этом, позвольте отметить очень важный прикладной принцип: **то, чего вы не знаете, того вы и не замечаете, поскольку для вас этого явления в картине мира не существует.**

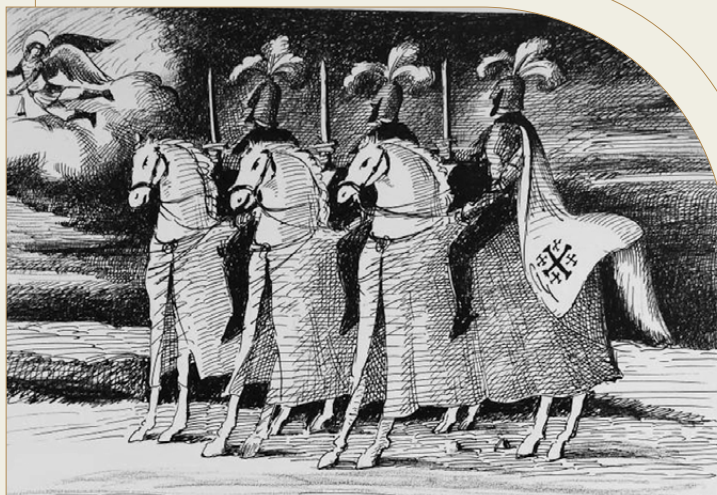
Соответственно, символ даже разделяет людей на две категории: знающих и незнающих. Примеров в истории тому — огромное число. Лично я бы рекомендовала всем интересующимся символикой и её особенной трансцендентной силой такую книгу академика **О. В. Мальцева** как «Знающие люди». Непосредственно в этом труде читатель воочию сможет убедиться в том, насколько разнообразны символы Европейского Мистицизма и как мощна

система знаний, которые кроются за европейской символикой.

Попов также описывал следующий принцип: если в памяти человека всё правильно отстроено, должен сформироваться механизм самообучения, функционирующий на базе архивации и разархивации. Непосредственно архивация и разархивация выстраивают и психику человека. Да, символы также играют немалую роль как механизмы построения человеческой психики. По сути, механизм самообучения и определяет свойства, качества и возможности психики индивида. А последующие реализации на этой базе строят будущее человека. И в случаях, когда данные не соответствуют уровню развития личности, возникает остановка в познании, обучении и саморазвитии.

Итак, если мы слышим фразу «я не понимаю», на языке механизмов символов это означает следующее: **«я не могу заархивировать данные»**, что резонно, поскольку если символика отсутствует, человеку нечем архивировать, нечем «скручивать» данные в памяти. А так как мы таким образом складываем непосредственно и амальгаму (амальгама не формируется без символа), то амальгама разваливается и в итоге человек ничего не помнит. Например, символы великих героев Оссо, Мастрosso и Карканьоссо соединяет амальгаму трёх организаций, составляющих уникальную субкультуру юга Италии.

Символьная система скрывает за символом данные и обеспечивает возникновение иерархии фактической власти, которая делит в последствие людей на знающих и не знающих. **Олег Мальцев** (цитирую): «По сути своей вертикальный механизм работы памяти — это стремление от почвы к среде, через конструкцию философии. И это обусловлено строением памяти человека, где, безусловно:

- родовая концепция — почва;
- структура философии — архетип;
- среда программирования памяти — прототип».

Из озвученной парадигмы мы можем заключить следующее: **без символов философия не формируется и не существует**. Каждый человек буквально нуждается в философии (и хотелось бы иметь в собственном распоряжении философию эффективную), потому как это стремление определено структурой памяти человека. И непосредственно роль символа велика — и как предохранителя, и как архиватора — разархиватора, и как ключа к тайне, и как механизм обучения и самосовершенствования личности.

Символ является ключом к знаниям. И естественно было бы заметить, почему столь пристальное внимание Экспедиционная группа под руководством Олег Мальцева уделяет символике и разъяснению значения символов и их роли в формировании философии как отдельного человека, так и группы лиц, будь то созданная по каким-то параметрам выборка или целостная субкультура.

Авторы статьи:

Марина Ильюша, Анна Калюжная

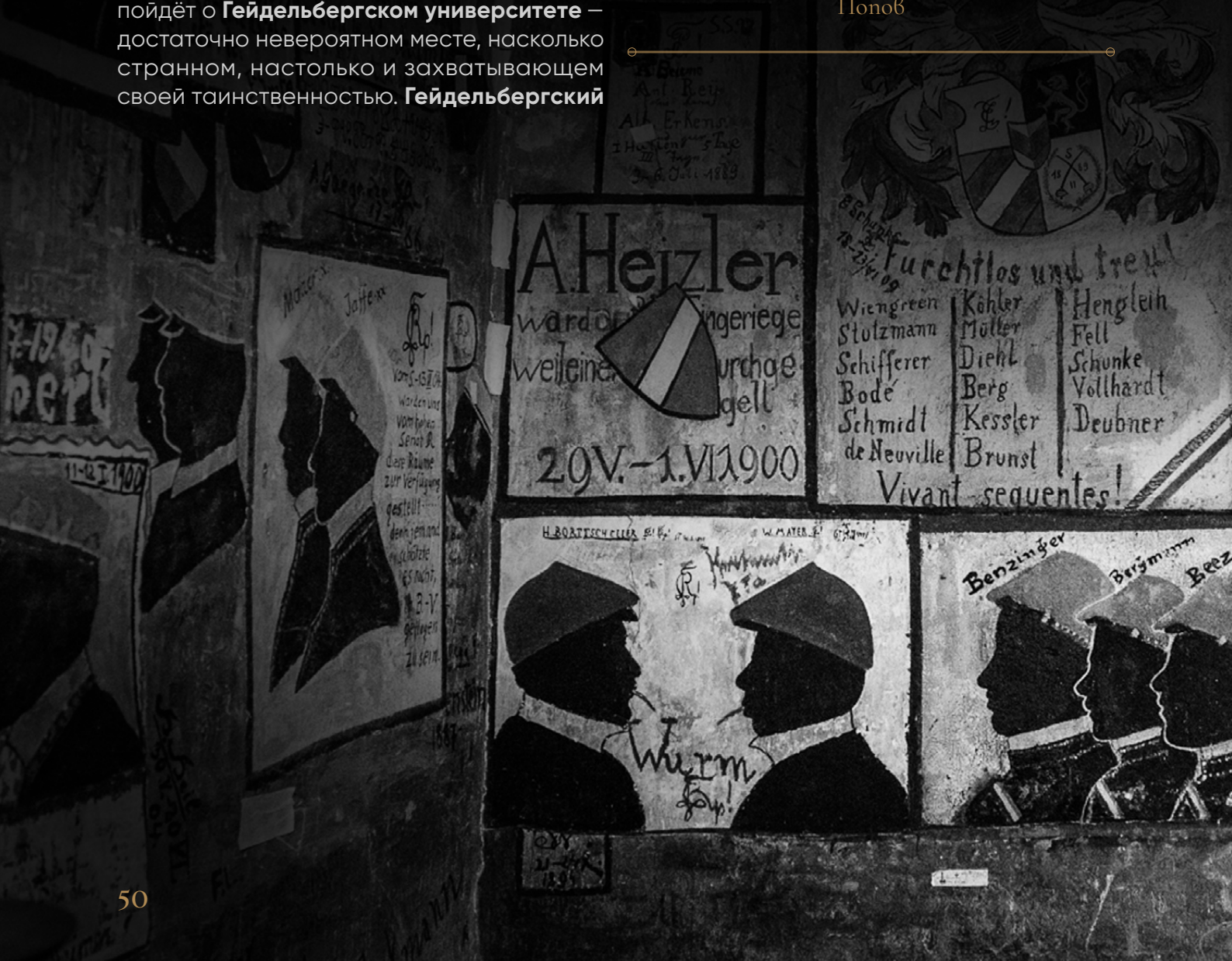
О ЧЁМ МОЛЧАТ СТЕНЫ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА?

Очерк участника
экспедиции

Следующие научные шаги на пути к познанию символов вам могут показаться несколько странными, но, я вас уверяю, никаких странностей здесь нет! Всего-то шепотка истории, шепотка вековой памяти и, конечно, вашего любопытства. Речь пойдёт о **Гейдельбергском университете** — достаточно невероятном месте, насколько странном, настолько и захватывающем своей таинственностью. **Гейдельбергский**

“
ВСЁ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ
ВОВНЕ — ЭТО ОТРАЖЕНИЕ
НАШЕЙ ПАМЯТИ.

— Академик Григорий Семёнович
Понов

АВТОР СТАТЬИ:

ИРИНА ЛОПАТЮК

Научный сотрудник Украинской Академии наук и Института памяти. Член специального научного подразделения «Экспедиционный корпус». Председатель Одесского историко-литературного научного общества. Секретарь Психолого-философского научного общества.

университет имени Рупрехта и Карла — это одно из самых выдающихся учебных заведений в мире. Сам университет представляет собой уникальную и крайне любопытную систему. Будучи одним из старейших и престижных учебных заведений Европы, он задал высокие стандарты, к которым стремятся прочие учебные заведения.

О Гейдельбергском университете в Европе не знает только ленивый, он буквально у всех на слуху. Тем не менее, многие не подозревают, насколько велика структура, о которой идёт речь. Основанный в **1386 году** курфюрстом Рупрехтом I с бла-

гословения Папы Урбана VI, Гейдельбергский университет стал первым на немецких землях и символом интеллектуального сопротивления эпохе Великого церковного раскола. Сквозь века он переживал и взлёты, и падения — религиозные реформы, войны, разрушения, но каждый новый этап лишь закалял его характер. Университет стал **интеллектуальной столицей кальвинизма**, а позднее — эпицентром научного возрождения Германии.

Однако главное в нём — не только история. **Гейдельберг славится уникальной, ни много ни мало тайной системой подготовки**, формирующей специалистов **высочайшего уровня**. Здесь не просто учат — здесь воспитывают интеллектуальную элиту, способную влиять на науку, политику и культуру на самых высоких

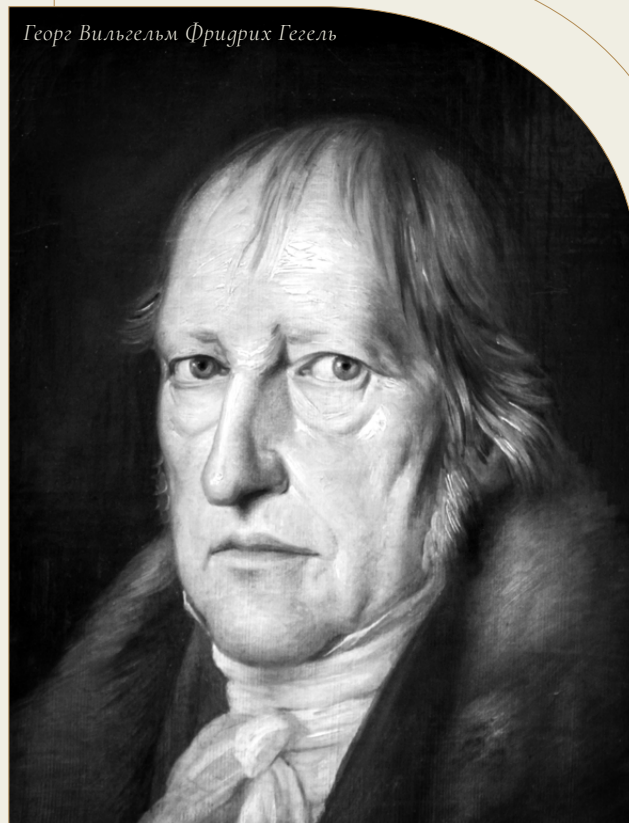
уровнях. Повторимся, речь идет о существовании определенной и даже скрытой от лишних глаз **программы подготовки**.

Его порог переступили **56 лауреатов Нобелевской премии!** Здесь учились и преподавали такие выдающиеся умы, как философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель, экзистенциалист Карл Ясперс, социолог

Ганс Гейгер

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Макс Вебер

Карл Ясперс

Макс Вебер, физик Ганс Гейгер – создатель знаменитого счётчика, а также будущий канцлер Германии Гельмут Коль. Кроме того, именитыми выпускниками в разные годы являлись императрица Российской империи Александра Фёдоровна, Йозеф Геббельс, Дмитрий Менделеев, Софья Ковалевская, Николай Миклухо-Маклай, Георг Вильгельм фон Сименс и многие другие. Только этот факт говорит нам об одном: **университет имеет исключительную программу подготовки**, никак иначе. Что это за эффективная система подготовки благодаря которой рождаются Нобелевские лауреаты и почему о ней ничего не известно? Давайте же приоткроем занавес неизвестного и начнем сначала.

На первый взгляд может показаться, что Гейдельбергский университет – просто ещё одно престижное учебное заведение вроде Гарварда или Оксфорда. Но

это только на первый взгляд. Что же делает его по-настоящему особенным?

Каждому знаком стандартный путь студента: поступаешь, выбираешь специальность, привыкаешь к учебной среде. Учишься, сдаёшь сессии, пишешь курсовые, проходишь практику, готовишь диплом. Получаешь заветный документ и становишься специалистом – готовым к работе или продолжению учёбы. Всё это есть и в Гейдельберге. Но... есть нечто ещё. Именно оно и делает этот университет поистине особенным.

Гейдельберг известен не только своей историей и академической строгостью. Он славится тем, что готовит не просто профессионалов – он закаляет личностей, способных мыслить глубже, действовать решительнее и вести за собой. Существует **тайный этап подготовки, через который проходят избранные**. Это не курс и не

предмет. **Это испытание. Переход. Закалка.** Именно поэтому Гейдельберг — это не просто университет. Это место, где люди становятся другими. Один из таких неявных, тайных этапов — попадание в **студенческий карцер**.

Вот такой неожиданный поворот. Не многим известен факт, а для кого-то это станет искренним удивлением, что в Европе существовала практика функционирования студенческих (!) карцеров. Пожалуй, звучит достаточно нетривиально: в высших учебных заведениях, где готовят специалистов, существует карцер. Стоит отдать должное, что студенческий карцер — **феномен** не только Гейдельбергского университета. Несложно исследовать данный вопрос и убедиться, что существует приличный список учебных заведений с собственными карцерами. Когда-то он служил "тюрьмой" для студентов, нарушивших университетский порядок: за дуэли, драки, пьянки, дерзости профессорам. На первый взгляд — нака-

зание. Но на деле — часть особой традиции, часть закалки. Разумеется, далее мы отправимся напрямик в это тайное место, в карцер Гейдельбергского университета.

В составе экспедиционной группы мы побывали в **Старом городе Гейдельберга**, где перед нами открылись двери карцера (ныне музея). Данный путь был проделан неспроста: с точки зрения научного исследования при постановке эксперимента необходима достоверная научная база. Провести исследование, опираясь на источники цифрового пространства, для кого-то, конечно, представляется возможным, но для глубокого, всеобъемлющего исследования — совсем неподходящий вариант. В науке, как и в таких областях, как юриспруденция и журналистика, не вызывают сомнений только документальные доказательства — за ними мы и приехали. В Экспедиционном корпусе, в частности, хранится полная экспериментальная и документальная база, которая раскрывает

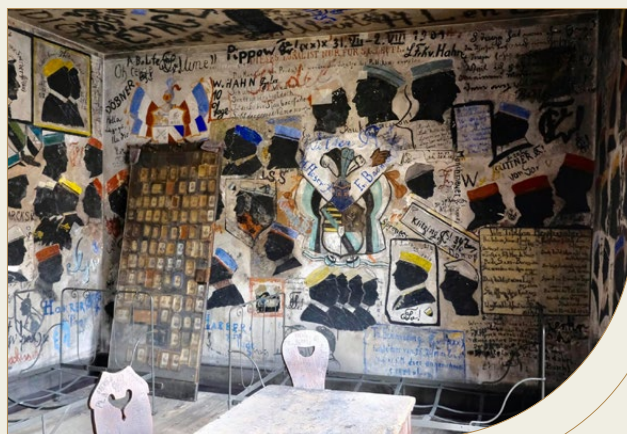

и освещает исследование Гейдельбергского университета и его особого отделения – студенческого карцера.

Сегодня студенческий карцер, конечно, не используется по прямому назначению – он обрел статус музея, благодаря чему любой любопытный гость может воочию узреть частичку истории университета. Так вот, переступив порог карцера вас встречает искреннее удивление. Почему? Во-первых, строение помещения достаточно небольшое, при этом очень ёмкое и насыщенное. Дело в том, что на стенах карцера нет ни одного свободного места! **Каждая часть покрыта рисунками или зашифрованными надписями.** На первый взгляд, стены усеяны непонятными изображениями. Человек, не владеющий предметом разговора, подумает, что все изображения – не более, чем плод фантазии скучавших в карцере студентов. Но стоит подольше рассмотреть стены, как вы заметите странную закономерность: стилистика изображений практи-

чески идентична – похоже, что их рисовала одна и та же рука.

Когда мы в первый раз были в карцере, руководитель экспедиции, **академик УАН Олег Викторович Мальцев** проводил многостороннюю экспертизу, обсуждая изображения на стенах карцера с приглашенными экспертами. После дискуссий и рассуждений вывод получился таков: это не просто вымысел и плод воображения студентов – это **коды, некий конкретный шифр**, требующий определенной исследовательской работы. Кроме того, один из приглашенных экспертов – **Александр Сагайдак**, кандидат психологических наук, юнгианский аналитик, переступив порог карцера и увидев воочию расписанные стены, заявил: **«Перед нами тень немецкого народа»**. И вот вы стоите в этом крошечном помещении, окружённые символами, оставленными десятилетия назад. И возникает мысль: «Студенческий карцер – вовсе не наказание».

ПОРТРЕТЫ

ФИГУРЫ

ГЕРБЫ

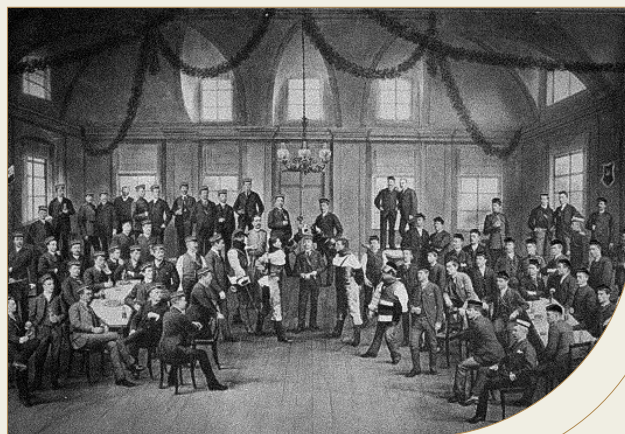
Несомненно, то, что **мы наблюдаем на стенах Гейдельбергского университета — либо методы обучения, либо вариативные надписи** пребывавших там в своё время студентов. Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, необходимо вспомнить об очень интересном тесте с белой стеной, выведенном **Михаилом Ильичом Вигдорчиком**. Итак, данный тест выглядит следующим образом: вас сажают так, чтобы ваш взор был устремлен исключительно на белую стену, и в следующий момент вам задают вопрос: «*Что перед вами сейчас находится?*». С этого момента вы вынуждены «доставать» крупницы из своей памяти и «выкладывать» их на белую стену перед вами, одновременно описывая, что же вам любезно предоставила ваша память. И вот что интересно: поскольку стена белая, **все, что вы видите — это отражение вас**. Казалось бы, человек сидит и выдумывает — но нет! **Это процесс проекции, извлечения данных из памяти. Фактически, то же самое происходило и со студентами Гейдельбергского университета.** Все

надписи и изображения в карцере имеют конкретный смысл — это не пустые слова, это результат тщательного исследования. Карцер изучали не поверхностно, а буквально по сантиметрам. Каждый участник экспедиции фотографировал отдельные детали: кто-то — гербы, кто-то — портреты, а кто-то — забавные рисунки и другие элементы.

Сначала нужно разобраться, что именно там изображено, какие явления мы наблюдаем. Ведь когда человек смотрит на пустую белую стену, он видит в ней только отражение своего бессознательно — и именно это мы берём за отправную точку исследования.

Первый элемент нашего исследования, обнаруженный на стенах карцера, — это гербы. Почему их так много и что они вообще там делают?

Начнём с того, что исторически почти вся территория Германии, включая Гейдельберг, была пронизана системой **братств, орденов и землячеств**. Это были

не просто студенческие сообщества или клубы по интересам — это были настоящие объединения, имеющие конкретную цель. Именно в таких структурах зарождалось настоящее рыцарство.

Поскольку ордена были широко распространены по всей Германии, неудивительно, что они существовали и в стенах Гейдельбергского университета — месте, где молодые умы искали не только знания, но и своё предназначение, а порой и доблестный путь рыцаря. Поэтому мы и наблюдаем в карцере такое большое количество гербов — каждый из них принадлежит определённому ордену.

Для студента быть принятым в один из орденов — значило сделать управляемый, осознанный первый шаг на тропе собственной судьбы. Каждый орден провозглашал свой девиз, свою философию, и потому выбор был непрост: он определял взгляды на жизнь и цели будущего выпускника.

Более того, считалось, что, переступая порог университета, студент обязан был примкнуть к какому-либо ордену и доказать своё право быть его частью. А вот получится ли — уже другой вопрос. Это было испытание, которое начиналось, как правило, с участия в закрытых фехтовальных обществах, где практиковалось **мензурное фехтование** — поистине почётное и символическое испытание. Именно оно часто становилось ключом к вхождению в орден.

Мензурное фехтование — особая традиция, отличавшаяся от привычных дуэлей с холодным оружием рядом принципиальных черт. Прежде всего, это были вовсе не личные разборки, выяснения отношений, и «сатисфакция» строго запрещалась. Чаще всего студенты, ставшие оппонентами, даже не были знакомы друг с другом и не имели права обмениваться словами ни до, ни во время поединка.

Второе важное отличие — отсутствие цели определить победителя. Поединки

не оценивались судьями, не велся подсчёт очков, и никто не объявлял, кто выиграл, а кто проиграл.

Третья и, пожалуй, самая запоминающаяся особенность — **удары наносились исключительно в область лица**. Отсюда и известные “украшения” участников мензуры — шрамы, которые становились символом мужества и стоицизма.

Для чего всё это? С одной стороны, фехтование оставалось частью аристократической культуры, элитного воспитания. Но самое главное — **мензура воспринималась в академической среде как инструмент формирования характера!** Чтобы добиться мастерства, требовались дисциплина, выдержка и самоконтроль. А участие в поединке — это всегда проверка на храбрость, хладнокровие и внутреннюю устойчивость. Показать страх было недопустимо. Более того, не ранение, а именно шаг назад в бою считался проявлением слабости.

Герб Корпуса Правды

Именно поэтому соперники стояли лицом друг к другу на очень близком расстоянии и не имели права двигаться — ни наступать, ни отступать. Это была схватка духа, в которой закалялись будущие элиты. Поэтому в Гейдельбергском университете мензура была неотъемлемым испытанием при принятии в орден.

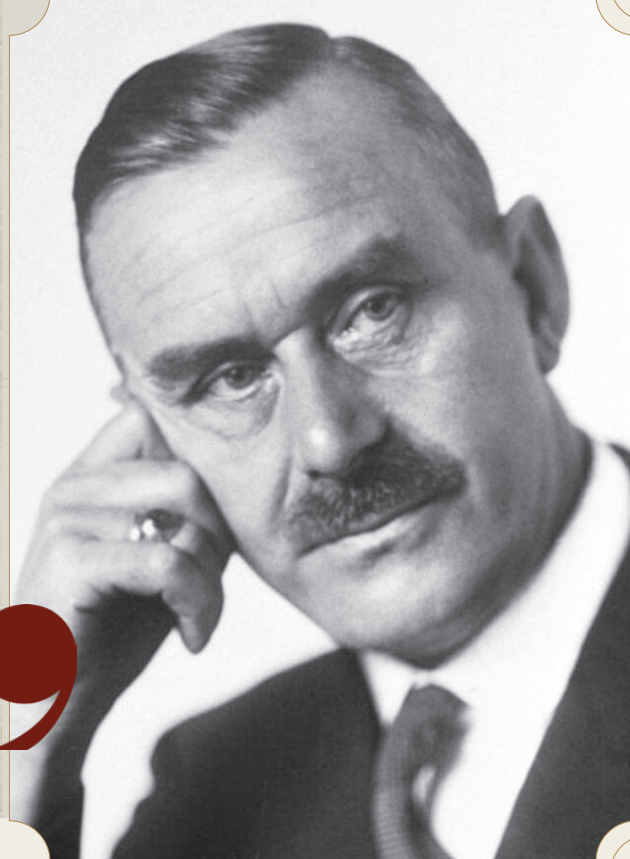
Возможно, возникнет вопрос о том, зачем вообще вступать в какой-либо орден? Дело в том, что **орден выступает в роли некой кузницы**, где, словно на наковальне, выковываются люди с определенным уровнем подготовки и знаний — это будущие изобретатели, мыслители, руководители, флагманы отраслей, те, кто займут должности как в министерствах, государственных структурах, так и вне их. Недаром в карцере Гейдельбергского университета можно увидеть огромное количество гербов тайных обществ.

Далее предлагаем более подробно рассмотреть тайные общества; они были нескольких разновидностей: **братства, землячества, корпусы и рыцарские ордена**. Есть три женских общества и приблизительно 25 мужских, но точное количество их неизвестно. Известно, что некоторые из них существуют до сих пор и остаются влиятельными организациями не только в Германии, но и в Европе и США. Стоит сказать, что члену своего ордена они могут сильно помочь в жизни — открыть нужные двери, устроить на работу и так далее. Также известно, что четыре из этих организаций предполагают пожизненное членство — выйти из них нельзя. Раньше за попытку выхода человека могли убить, а позже, когда общество стало цивилизованнее, его просто подвергали всеобщему осуждению и лишали всех привилегий.

Итак, с точки зрения квалификации мы могли бы сказать, что тайных обществ **по типологии четыре**: землячества, братства, студенческие рыцарские ордена и корпусы. Например, **Корпус Правды** — мы почти ничего о нем не знаем. Тем не менее, он действительно существует, и его участники (как и участники любого ордена) очень серьёзно относятся к своей деятельности.

ИСКУССТВО — САМЫЙ
ПРЕКРАСНЫЙ, САМЫЙ
СТРОГИЙ, САМЫЙ
РАДОСТНЫЙ И БЛАГОЙ
СИМВОЛ ИЗВЕЧНОГО,
НЕ ПОДВЛАСТНОГО РАССУДКУ
СТРЕМЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К
ДОБРУ, К ИСТИНЕ
И СОВЕРШЕНСТВУ.

~ Томас Манн ~

Все эти 20–30 тайных организаций гордятся своей историей, структурой, силой и возможностями.

Для немецкого просвещённого студента не принадлежать к такому тайному обществу — не просто стыдно, это значит лишиться себя будущего. Каждый стремится стать частью такого сообщества, потому что это даёт всё: полезные знакомства, доступ к другим уровням влияния, ценную информацию. Стоит сказать, что эти организации не скрываются — наоборот, они гордятся своим существованием и деятельностью.

Все братства с момента своего основания почти не изменились и в таком виде сохранились до XXI века. Относительно женских орденов отметим следующее: это явление крайне позднее, второй половины XX века, существует их три наименования.

Кроме вышесказанного, пожалуй, стоит добавить, что **герб — это воплощение иерархии**, его можно выставлять или противопоставлять. Как говорил Жерар Тибо: «Трижды найхристианнейший ко-

роль, Луи де Бурбон Восьмой, прекрасный представитель белых лилий». Те, кто читал Дюма или смотрел фильм, наверняка помнят, как французский король, сидя на троне, заявлял, что никто не осмелится идти против королевских белых лилий. Это пример того, как герб может служить символом противопоставления. Конечно, никто не будет воевать с самими лилиями, но за ними стоит целая система: король, армия, дворянство.

Второй элемент исследования — портреты.

Портреты в родовой концепции соответствуют авторитетам, за которыми стоит информационный блок. Простыми словами: **авторитет — это основа навыка, не будет авторитета — не будет навыка**. Следовательно, в портретах заложена информационная составляющая в виде методики, которая отвечает на вопрос «как сделать?». Во время просмотра определенных портретов, вы заметите, что они отличаются по стилистике. Элементы стиля, в том числе, привязаны к авторитетам. Как мы

это можем увидеть в жизни? Достаточно взглянуть на фотографии членов разных братств — у каждого из них своя особая стилистика: разные шляпы, разное оружие в разные исторические периоды. То же самое касается женских тайных обществ — они носили разные цветы: кто-то носил розу, кто-то фиалку — это все стилистика, определяющая принадлежность к той или иной организации. **Эту систему и разность элементов организует герб.** Однако, попадая в карцер, мы видим множество гербов и портретов в одной системе. Это означает наличие множества информационных посланий, включая знания и методики. То есть герб организует систему, но гербов в этой системе множество — примерно 30.

Соответственно, нужна система, которая позволит переходить от одного герба к другому, или от одного родового бессознательного к другому. Подобные механизмы перехода от одного организационного герба к другому существуют, однако это уже тема для другой научной статьи.

Третий элемент исследования — фигуры. Изображения разных фигур в карцере встречаются часто, в том числе, полностью черные силуэты, имеющие узнаваемый облик и даже фигуры с двумя лицами, смотрящими в противоположные стороны и т.д. Можно долго рассматривать дюжины изображений и замечать всё новые детали, но не будем задерживаться на анализе визуальной части. Приступим к научному размышлению: переносим полученные «облики» на модель памяти и связываем их с механизмами смены рецензоров, или смены фигур в нашей памяти.

Что такое «рецензор»? Распорядитель свойств памяти. **Как вам представить рецензор?** Это механизм, в силу которого функционирует, например, такая структура как библиотека. Академик Г. С. Попов вывел гипотезу, доказав её в процессе жизни и деятельности: *всё, что мы видим вокруг — это результаты, извлечённые из нашей памяти.* Внешний мир — это зеркало нашей памяти, памяти каждого из нас, потому что каждый из нас воспринимает мир по-своему, каждый человек думает по-своему. У людей разная память, у неё разные данные, соответственно, мы по-разному воспринимаем мир. Информация, полученная извне, хранится в блоках памяти, которых существует восемь. Мы не будем говорить обо всех, затронем лишь несколько из них для понимания научной мысли.

Например, **блок памяти «театр».** Этот блок памяти позволяет нам научиться работать с ролями, прийти к пониманию, что такое роль, какими роли бывают, как своевременно выбирать нужную роль, как вести себя в тех или иных ролях, как создавать роли т.д.

Блок памяти «учебное учреждение», или «университет». Под университетом мы понимаем определённое учреждение, где существует порядок получения и внедрения новых данных, соответствующие консультанты, учебная литература, методология. Здесь хранятся знания, которые человек может получить. Всё это временно составляет блок «университет».

Блок памяти «архив». Архив придумали, поскольку он существует в человеческой памяти. Представим себе модель архива, где хранятся записи о произошедших событиях. В архиве фиксируются все данные подряд. Ключевой параметр архива: «сейчас данные не нужны, но когда-нибудь могут понадобиться». Данные, которые нужны человеку сейчас для жизни, с которыми он работает сейчас, хранятся в другом статическом блоке, который называется **«библиотека»**.

Блок памяти «галерея». В галерее находятся картины, произведения искусства, также могут выставляться ювелирные изделия. В этом блоке «живут» все эмоции человека, всё, что его вдохновляет, удивляет и восхищает.

Так вот, **рецензор** — это то, что в вашей памяти будет выполнять разные функции, подавать вам данные из архива, организовывать театр, выступать ректором вашего университета. Должностные лица университета, должностные лица галереи — такова тождественная работа рецензора.

Таким образом, мы приходим к выводу, что **язык содержимого Гейдельбергского карцера напрямую связан с языком родовой концепции**. Все элементы, там присутствующие, — это не просто случайные рисунки или надписи, а **элементы родового бессознательного**. Например, когда вы видите портрет, вы интуитивно ощу-

щаете: перед вами — **авторитет**, фигура, вызывающая уважение. Точно так же и за всеми символами, гербами, изображениями и текстами, оставленными на стенах карцера, скрывается **тайное послание, глубокий смысл**.

Эти послания — не просто история отдельных студентов. Это **тьнь немецкого народа**, в которой заключён **опыт поколений**, их боль, путь, борьба и победа. С нами говорят **те, кто прошёл испытание**, не сломался в трудные минуты, а наоборот — **закалился как сталь**. Именно поэтому стены карцера — это не просто музейная память. Это знания тех, кто однажды вошёл в эти стены обычным человеком, а вышел из них, став сильнее, чем когда-либо прежде, достиг высот и стал высочайшим экспертом в своей области.

Истинное значение символов навсегда останется запечатлённым в стенах Гейдельбергского карцера. Однако, **не для нашего читателя: благодаря результатам проведённой научной работы эти тайны готовы стать раскрытыми для пытливых и целеустремлённых умов**. Погружаясь в тайны древнейшего университета Германии, мы переводим древние символы на язык современности, на котором человек способен их понять и осмыслить. И, конечно же, описанное — не предел, но первые осознанные шаги на пути к Совершенствованию и Величию!

ЖИЗНЬ В МИРЕ СИМВОЛОВ

Интервью с профессором
Максимом Анатольевичем
Лепским

В рамках нового выпуска журнала нам удалось пообщаться с доктором философских наук, профессором социологии **Максимом Анатольевичем Лепским**. В беседе он поделился размышлениями о роли и значении символов в социальной жизни, их влиянии на формирование личности, городского пространства и даже на современные цифровые практики.

СПАСИБО БОЛЬШОЕ, ЧТО СОГЛАСИЛИСЬ ПОБЕСЕДОВАТЬ С НАМИ. МЫ ОЧЕНЬ РАДЫ ВОЗМОЖНОСТИ ПОГОВОРИТЬ С ВАМИ НА ТАКУЮ ВАЖНУЮ И ГЛУБОКУЮ ТЕМУ. ДЛЯ НАЧАЛА НАШЕГО РАЗГОВОРА ХОТЕЛОСЬ БЫ УТОЧНИТЬ: КАКОВО ОПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛИ СИМВОЛА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ?

Профессор Максим Анатольевич Лепский — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии факультета социологии и управления Запорожского национального университета, председатель исследовательского комитета по социальному прогнозированию Социологической ассоциации Украины, академик УАН.

Максим Лепский: Это интересный, глубокий и довольно сложный вопрос, который может стать темой целой серии лекций. В социологии существуют направления, напрямую связанные с изучением символов. Одно из самых известных — это символический интеракционизм, развившийся в Чикагской школе социологии. Это направление дало много ценных идей нескольким поколениям учёных. Так, принципы символического интеракционизма направлены на внимание к субъективности социального мира, получение понимания опыта и интерпретаций самих субъектов. Но давайте обойдёмся без сложных терминов и сосредоточимся на сути: почему символика так важна?

Для социологов **символы — это эффективный инструмент для исследо-**

вания общения между людьми. Ведь каждое социальное действие несёт определённые значения, которые связаны со статусами и ролями. Простой пример: мы видим, как юноша подмигивает девушке. С точки зрения физики и биологии, это просто движение века. Но с точки зрения символического значения — это может быть знаком симпатии, намёком на тайный сговор или совместные действия. А может быть, человек просто боится реакции девушки и компенсирует свою неуверенность демонстративным поведением. Одно и то же действие может нести разные смыслы в зависимости от контекста, эмоций и ситуации. Это один из аспектов символики в социологии.

Символы могут проявляться и в более широком контексте. Например, в работах **Мишеля Фуко** рассматриваются дисциплинарные практики, где символы также играют важную роль. Такие элементы, как забор, проволока, охрана, наблюдение — всё это символы дисциплины и контроля. Эти образы особенно характерны как для тюрьмы, так и для заводской культуры и выполняют определённые социальные функции.

Символика также связана со знаковой культурой. Простой пример — эмоджи. Сегодня трудно представить переписку без них: они передают эмоции, создают эмоциональную связь. Социологи изучали, как используются эмоджи в интернет-культуре, и получили множество данных о том, как люди выражают чувства онлайн. Например, в Японии проводили исследование и выяснили, что несмотря на огромный выбор эмоджи, люди чаще всего используют ограниченное количество символов.

**СИМВОЛЫ – ЭТО ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ.**

Очень интересна также **городская символика**. Она может указывать на то, как организована городская жизнь: ориентирована ли она на архитектуру, на комфорт людей или на комфортное движение транспорта. Символы можно найти в пространстве и времени, и они влияют на наше восприятие.

Я специально не касаюсь религиозной символики — это отдельное и очень широкое направление.

Ещё с времён Платона и Аристотеля обсуждалась роль символики и имитации. Платон считал, что важнее учить не символам, а истине в мире идей. Аристотель думал иначе: истина была связана с прикладной деятельностью. Известно, что Александр Македонский упрекал его словами: «Учитель, зачем ты передаёшь тайные знания в форме поэтики?». Поэтому роль символи-

ки очень важна, ведь она охватывает большое смысловое пространство и часто проявляется в отношениях между людьми и социальными институтами.

НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ПОДРОБНЕЕ РАССКАЗАТЬ, ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ СИМВОЛ ОТ ЗНАКА?

Максим Лепский: Попробуем сначала провести различие между этими понятиями. Хотя знак и символ могут казаться похожими, в социальной философии между ними есть чёткие различия, особенно в плане смыслов.

Возьмём, например, пифагорейцев. Для них в центре всего стояло число. Они говорили так: число во времени — это музыка, число в пространстве — это геометрия, а простое число — это арифметика. Более того, число одновременно в пространстве и во времени они рассматривали как основу для

военных и дипломатических стратегий. Музыка как проявление ритма — это вопрос своевременности, а число в пространстве — это вопрос скорости.

К чему это ведёт? Знаки, по сути, были связаны с числом, с его гармонией и с гармонией отношений между людьми через число. Именно с такими подходами подробно работали пифагорейцы. **Знак — это символ, которому уже приписано конкретное, фиксированное и довольно простое значение.**

А символика — это нечто более многослойное: она может работать как метафора или образ, который помогает нам прийти к осознанию чего-то нового или изменить точку зрения. Также есть понятие **аллегории**, кото-

рая несёт в себе определённые смыслы. Известны исследования, в которых описывается, как, например, венецианская система обучения строилась через аллегории и символы.

Символы часто связаны с ценностями или моделями поведения. Яркий пример — **рыцарский герб**. В нём «зашифрованы» достижения, сила и особенности рода. Это своеобразный символический код, отражающий то, что помогало роду выживать и развиваться. Позже вместо рыцарского герба мы получили логотип и символику бренда.

Символика становится особенно интересной, когда она касается чисел, смыслов или ценностей — она открывает новые подходы в исследованиях.

Особенно важно учитывать ценность как ориентир — то, ради чего мы живём и что придаёт нашему существованию смысл.

В ПРОЦЕССЕ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ СИМВОЛЫ ИГРАЮТ ДЛЯ ВАС ЗНАЧИМУЮ РОЛЬ?

Максим Лепский: Да, я обязательно обращаю на это внимание. Для меня очень важны как символическая социология, так и символическая психология. Сегодня в массовой культуре практически всё выстраивается вокруг символов.

Например, возьмём маркетинг. Сейчас в интернете повсюду реклама — и вся она построена на символах. Символическая часть включает в себя

такие элементы, как композиция, цвет, способ подачи информации. Всё это отражает, как устроено наше восприятие, ведь символика в данном случае — это отражение закономерности нашего восприятия.

КАК СИМВОЛЫ ПОМОГАЮТ В ФОРМИРОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ?

Максим Лепский: Трудно сказать, что символы помогают в прямом смысле. Скорее, они работают как **особый язык**, своего рода «программное обеспечение». Например, дети очень быстро осваивают символику и знаковую культуру через интернет. Даже не умея читать, они легко включают мультфильмы, просто узнавая значки и кнопки.

Но сказать, что символы напрямую формируют личность, было бы упрощением. В системе образования сначала человек получает знания и осваивает закономерности — и только потом эти смыслы «упаковываются» в символы.

В этом контексте интересно вспомнить Нобелевского лауреата **Герберта Саймона**, который говорил о существовании так называемых **«чанков»** — это как готовые блоки информации, смыслов или действий, которые мы используем в нужный момент. Когда возникает проблема или неопределённая ситуация, мы «распаковываем» эти символы, чтобы найти решение. В таком случае символика действительно играет важную роль — особенно в работе памяти и сознания.

Простой пример: люди, которые часто говорят лозунгами, цитатами или метафорами. Это тоже форма символического мышления, способ быстро выразить суть через короткий, ёмкий образ. Таким образом, символы не столько формируют личность напрямую, сколько служат инструментом для хранения, передачи и активации смыслов — особенно в условиях неопределённости, когда важно быстро сориентироваться и найти решение.

С УЧЁТОМ ВСЕГО СКАЗАННОГО, МОЖНО ЛИ “ЧИТАТЬ” ГОРОДСКУЮ СРЕДУ ПОСРЕДСТВОМ СИМВОЛОВ?

Максим Лепский: Да, безусловно. Символы присутствуют в городской среде повсюду. Например, уже само расположение центрального храма или главной улицы — это символ. Под каким углом улица проходит, как устроено пространство — всё это несёт определённый смысл. Большие углы могут быть задуманы как тренировка выносливости, узкие проходы и высотные здания формируют у человека специфическое восприятие — сначала он смотрит вертикально, затем, выйдя на площадь, автоматически переключается на горизонтальное восприятие. Даже ритм города — чередование элементов в архитектуре, — влияет на то, как мы себя чувствуем: теряемся или концентрируемся. Всё это тоже символика.

Есть интересные примеры в Китае. Центральное пространство им-

перии — Запретный город, это город-власть, о нем проводились различные исследования, показывающие, как через городское пространство можно выстраивать восприятие подчинённости. Человек, попадая в определённую структуру пространства, начинает чувствовать себя «маленьким», просто из-за формы, размеров, ритуальности и запретов окружающего.

У каждого города — своя символическая система. Это не только архитектура, но и звуки, запахи, ритм движения. Одна из моих магистранток делала исследование по 12 странам. В этом исследовании респонденты описывали символические ассоциации со своими странами. Например, Великобританию и ее столицу Лондон многие связывали с образом шерсти. Это тоже символ — тактильный, ассоциативный, вплетённый в культурный код. Поэтому город, несомненно, можно “читать” посредством работы с символикой.

НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗМЕНЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПЕРЕЕЗДЕ В ДРУГУЮ СРЕДУ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЕЁ СИМВОЛОВ?

Максим Лепский: Это возможно, но важно понимать, что я рассматриваю личность как совокупность общественных и социальных отношений. А значит, если человек переезжает, его социальные связи и окружение меняются, и вместе с этим меняется и личность, хотя внутреннее ядро, основные черты могут остаться прежними.

Среда действительно оказывает влияние. Например, в индустриальном городе с заводами доминирует иерархическая культура, в городе с предпринимательским укладом (культурой сделок) это формирует соответствующее поведение и восприятие горожан, а вот если человек окажется в Венеции, где сильна культурная традиция и эстетика, на него будет оказывать влияние совсем иная атмосфера.

Символы тоже участвуют в этом процессе — они передают смыслы,

ценности и настрой среды. Но в целом всё же личность изменяется в первую очередь через изменение **системы отношений** — через взаимодействие с другими людьми.

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКИМ ОБРАЗОМ ТРАНСФОРМИРОВАЛИСЬ СИМВОЛЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ?

Максим Лепский: Символы действительно претерпели изменения в цифровую эпоху. Мы видим, как стремительно развивается искусственный интеллект — это ключевая тема. Недавно я участвовал как эксперт от Европейского Союза в круглом столе в рамках Дней карьеры в Запорожье, где мы как раз обсуждали искусственный интеллект. Один из интересных вопросов звучал так: **«Есть ли у искусственного интеллекта своя символика?»**. Думаю, что да.

Взаимодействие с искусственным интеллектом само по себе символично. Когда человек обращается к искусственному интеллекту, в этом процессе можно выделить как минимум четыре элемента:

1. Есть знание или его отсутствие.
2. Есть незнание, границы которого надо установить.
3. Есть запрос — то, что нужно решить.
4. Есть обращение к определённому статусу искусственного интеллекта — мы задаём ему роль, приписываем компетенции, ориентируем на определенные алгоритмы.

Таким образом, уже в самих «промтах» (запросах) зашито **символическое действие** — мы придаем искусственному интеллекту статус эксперта, помощника, советника. И это символично. Как говорил прогнозист **Брюс Буэно де Мескита**: *«мусор на входе — мусор на выходе»* — поэтому важно не просто что-то спросить, а понимать, как задать вопрос и с каким знанием ты обращаешься, иначе на выходе будет «мусор».

К тому же, алгоритмы, с которыми мы взаимодействуем, созданы людьми, а значит, в работе с искусственным интеллектом присутствуют и **социальные**

отношения — пусть и опосредованные. А раз есть отношения — есть и символика этих отношений. Поэтому цифровая культура и особенно искусственный интеллект не только используют символы, но и создают новые. Поэтому, обращаясь к читателям, хотелось бы пожелать: старайтесь тренироваться в символике развития и достижения достойных результатов! Берегите себя и своих близких!

Благодарим профессора Максима Анатольевича Лепского за глубокий и наглядный рассказ о скрытых механизмах символов в нашей жизни. Сегодня мы узнали, как символы выступают «языком» для передачи знаний и ценностей, формируют наше восприятие пространства и городской среды, влияют на личность и социальные связи, а в цифровую эпоху обретают новые смыслы через искусственный интеллект. Надеемся, что эта беседа вдохновит вас по-новому взглянуть на окружающие знаки и символы, — от эмоджи в мессенджерах до архитектурных форм города, — и увидеть в них ключ к пониманию себя и общества.

ТАЙНЫЙ ЯЗЫК ЖИВОПИСИ

Обзор художественной
символики

Искусство всегда говорило с нами языком символов. С самых древних времён художники вкладывали в свои работы скрытые смыслы, чтобы передать идеи, чувства и ценности. Обычные на первый взгляд образы начинали звучать глубже, заставляя зрителя задуматься. При этом один и тот же символ в разное время или в разных культурах мог иметь совсем разное значение. Например, на голландских натюрмортах XVII века увядающие фрукты или затушённые свечи напоминали о быстротечности жизни. Такие картины называют ванитас — от латинского выражения «суета сует». Они побуждали людей помнить о бренности существования. В других культурах символы имели свои особые смыслы: например, лотос в странах Востока олицетворяет чистоту, духовное просветление и перерождение.

Символы в искусстве имеют древнюю историю, уходящую корнями в эпоху Античности. Древние цивилизации использовали символику для изображения божеств, абстрактных понятий или важных исторических событий. Позже появившись в 1880-х годах, **символизм** стал французским художественным направлением, которое позже распространилось в Бельгии, по всей Европе и даже за её пределами — вплоть до начала Первой мировой войны.

Термин **«символизм»** происходит от латинского **«symbolum»** и греческого **«symbolon»**, что означает **«соединять», «объединять»**. Впервые это слово использовал поэт **Жан Морэас** в 1886 году в своём «Литературном манифесте», опубликованном в газете Фигаро. Символисты пытались передать тайные стороны жизни с помощью аллегорий и загадочных образов. Сюрреалисты шли ещё дальше — они обращались к миру снов и подсознания, разрушая привычные представления о реальности. Понимая символику разных эпох, мы лучше видим, как менялось мышление людей и их взгляды на мир.

Интерпретация символов — всегда дело личное. Художник мог вкладывать один

смысл, а зритель находит в его работе нечто своё. И это нормально: живое искусство всегда рождает новые ассоциации, открываясь каждому по-разному. Разбираясь в символике, мы учимся внимательнее смотреть, глубже понимать и быть готовыми к разным трактовкам.

Бесспорно, и цвета играют огромную роль в искусстве. Разные оттенки вызывают у нас особые чувства и несут скрытые смыслы. Красный цвет может говорить о страсти, энергии или опасности, а синий — о спокойствии, грусти или мечтах. Художники специально выбирают определённые цвета, чтобы передать настроение картины, подчеркнуть важные моменты или донести главную идею. Иногда они создают мягкую цветовую гармонию, а иногда — резкий контраст, чтобы сильнее воздействовать на зрителя.

Но чтобы символ действительно тронул нас за живое, ему нужна особая основа — связанная с **реальной жизнью, историей, традицией**. Не каждый образ сразу становится символом. Например, морковь на картине — это просто морковь, она не будет сама по себе означать рост. А вот колючая проволока — это уже мощный символ тирании и боли. Не только потому, что она физически удерживает людей, но и потому, что за ней стоят лагеря, страдания и трагедии всего XX века. В этом и заключается сила настоящего символа — в его связи с реальной человеческой судьбой.

Например, в картине **Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ»** Свобода предстает в образе женщины с французским триколором в руке; её обнажённые ноги символизируют близость к народу, а решительное выражение лица — воплощение революционного духа и стремления к свободе. Также, например, в религиозной живописи, где знакомые образы помогают передать глубокие духовные смыслы. Например, нимбы, которые мы часто видим в христианских картинах, символизируют святость и особую близость к Богу. В работе **Джотто ди Бондоне «Благовещение»** нимб над головой Девы Марии ясно указывает на её избранность. Со временем художники стали изображать нимбы всё сложнее и красивее: от простых золотых кругов в раннем искусстве до сияющих, почти неземных ореолов в эпоху Ренессанса. Эта

эволюция образов только подчёркивает, насколько важным было для художников точное выражение скрытых смыслов, — поэтому стоит подробнее остановиться на самых известных символах и их значениях.

Символы в живописи, как было сказано ранее, можно понимать по-разному, но многие образы уже не одно столетие сохраняют понятные и узнаваемые смыслы:

ЖИВОТНЫЕ

- Голубь — символ мира и Святого Духа в христианском искусстве.
- Змея — двойственный знак: опасность и искушение (как в библейском Эдеме), но также мудрость и исцеление (как в античной традиции).
- Собака — олицетворение преданности и верности.
- Лев — это универсальный символ силы и мощи. В христианской иконографии он может олицетворять Христа, в то время как в других культурах символизирует королевскую власть и мужество.
- Кроме реальных животных, существуют и мифические существа — химеры и гаргульи, которые олицетворяют зло, искушение, чудовищ и демонов.

ЦВЕТА

- Красный — страсть, любовь или опасность в зависимости от контекста. В эпоху Возрождения красный часто ассоциировался с жертвой Христа.
- Белый — чистота, невинность, духовное возвышение; особенно часто используется в изображениях Девы Марии.
- Чёрный — траур, тайна или власть. Барочные мастера активно использовали чёрный цвет для создания драматических контрастов и эмоциональной напряжённости.

ПРЕДМЕТЫ

- Череп — *memento mori*, напоминание о смертности. Один из самых известных примеров — «Послы» Ганса Гольбейна с искажённым черепом, символом бренности жизни и одновременно демонстрацией виртуозности художника.

- Зеркало — может означать самопознание, тщеславие или иллюзию. В «Менинах» Веласкеса зеркало придаёт картине философскую глубину, играя с восприятием и реальностью.
- Свеча — свет знания или, если она гаснет, бренность бытия. В «Кающейся Магдалине» Жоржа де Латура пламя единственной свечи создаёт атмосферу созерцательности и внутреннего просветления.

РАСТЕНИЯ

- Роза — любовь и красота, но также страдание и мученичество, особенно в христианской символике, если она изображена с шипами.
- Лотос — в восточном искусстве символ духовной чистоты и просветления, часто ассоциируется с божественным. Расцветший лотос означает пробуждение или благословение свыше.
- Дерево — символ жизни, возрождения, связи между землёй и небом, течения времени. В зависимости от вида дерева меняется и значение: например, дуб воплощает силу, величие, свободу и честь, а ива ассоциируется с плодородием, печалью и связью с миром мёртвых. Особое место занимает древо жизни — один из древнейших символов, олицетворяющий силу жизни, бессмертие и законы Вселенной.

ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ

- Буря — знак внутренней смуты, конфликта или гнева небес. В картинах Тернера, таких как «Снежная буря: Ганнибал и его армия», стихия становится метафорой как природной, так и человеческой трагедии.
- Радуга — надежда, обновление, обещание мира. В библейской традиции радуга символизирует завет Бога с человечеством.
- **Пейзажи** в живописи также несут символическое значение, связанное с человеческим состоянием и духовным миром. Например, море — это символ свободы, приключений и неизведанного. В некоторых культурах оно также

ЦВЕТОК

Скоротечность жизни

ЧЕРЕП

Напоминание о смерти

ЧАСЫ

Неумолимый бег времени

Филипп де Шампень. Натюрморт с черепом. 1644

может олицетворять подсознание и глубины человеческой души.

- Горы символизируют стабильность, вечность и духовное вознесение. В многих традициях вершины гор считаются святыми местами, где обитают боги или достигаются высокие состояния сознания.
- Лес может символизировать как укрытие и мир, так и тайну и опасность. В мифологии и народных сказаниях леса часто являются местами преобразования и встреч с неизвестным.

Давайте посмотрим на некоторые из этих символов на полотнах. Например, разберем картину в жанре **ванитас**, где по классике

жанра главным символом является человеческий череп, песочные часы, глобус, горящая свеча, старинный фолиант либо другие атрибуты смерти и бренности человеческой жизни. Первые натюрморты в стиле ванитас появились в Голландии, а затем быстро распространились по всей Европе в XVII столетии. Одним из самых известных произведений этого жанра стала картина французского художника **Филиппа де Шампеня** (1602–1674), созданная в 1646 году.

На этой картине мы видим три символических предмета, расставленных на каменном столе: слева — **ваза** с единственным цветком, в центре — человеческий **череп**, а справа — песочные **часы**.

Сцены страстей
и смерти Христа

Символ просьбы
о спасении души

Невинность
и чистота,
богатство

Смерть
при родах

Верность

Цветок здесь символизирует скоротечность жизни. Причём выбран именно тюльпан — не случайно: в ту эпоху в Голландии бушевала настоящая «тюльпаномания», когда цены на тюльпаны взлетели до небес, а затем обрушились, вызвав серьёзный экономический кризис.

Череп, предположительно принадлежащий Адаму, напоминает о смерти. А песочные **часы**, как нетрудно догадаться, символизируют неумолимый бег времени. Таким образом, сочетание этих трёх предметов превращает картину в глубокую аллегория: **жизнь — всего лишь иллюзия, тщета и мимолётность**.

Ванитас Филиппа де Шампеня отсылает нас к латинскому выражению

Memento mori — «Помни о смерти». Она призывает нас не тратить жизнь на пустые удовольствия — богатство, плотскую любовь, стремление к красоте — ведь в конечном итоге всё это оказывается ничем.

Невероятно богат на символы знаменитый **портрет четы Арнольфини Яна ван Эйка**, созданный в XV веке. Считается, что на нём изображены купец **Джованни ди Николао Арнольфини** и его жена, предположительно в их доме в Брюгге. Не спроста картина является одним из наиболее трудноинтерпретируемых произведений западной школы живописи Северного Возрождения. При внимательном рассмотрении картины открывается целый мир символов.

Если внимательно присмотреться к зеркалу между двумя фигурами на картине, можно заметить надпись на стене: **«Здесь был Ян ван Эйк, 1434»**. Она специально размещена прямо над зеркалом.

И если, ища подпись художника, вы заглянете в **зеркало**, то обнаружите там ещё **две фигуры**. Они стоят как раз там, где мог бы находиться зритель. Предполагается, что один из них — это автопортрет самого ван Эйка, приветствующего нас поднятой рукой, а второй — это вы, наблюдатель сцены.

На круглых вставках по краям зеркала изображены **сцены страстей и смерти Христа**: сцены его земной жизни расположены со стороны мужчины, а сцены смерти и воскресения — со стороны женщины.

Рядом с кроватью можно увидеть **скульптурку Святой Маргариты** — покровительницы родов, традиционно изображаемой попирающей мифического зверя. Её молящаяся фигура может символизировать **просьбу о спасении души женщины**, погибшей при родах. Над рукой женщины также видны вырезанные из дерева гротескные фигурки — возможно, предзнаменование её смерти.

На картине **только одна свеча осталась горящей** — на стороне Джованни. По литературной традиции это может означать, что **он жив, а она умерла**.

Снятая обувь указывает на признание святости супружеской спальни — она становится подобием святого места. Однако **один туфель женщины** стоит на ковре перед кроватью, что может намекать на её смерть при родах.

Апельсины на подоконнике и сундуке символизируют невинность и чистоту, существовавшие в Эдемском саду до грехопадения. Они также служат признаком **богатства**, поскольку апельсины в Брюгге были редкостью. Плоды на дереве за окном символизируют сладость и плоды рая.

Маленькая собачка между супругами олицетворяет **верность**, преданность или даже желание завести ребёнка. В отличие

от хозяев, она смотрит прямо на зрителя. Однако собачка могла быть и просто подарком от мужа жене, знаком любви.

Эти детали превращают картину из бытового портрета в сложную визуальную историю, насыщенную значением.

Следующий очень интересный пример разбора символов. **Картины Босха** — одни из самых сложных для интерпретации с точки зрения символизма, при этом чрезвычайно мистические и загадочные. Картины Босха часто служат предостережениями, напоминая зрителям о опасностях, связанных с подчинением мирским желаниям, и о важности праведной жизни. Его использование религиозной символики является ключевым элементом этого морального послания, так как оно позволяет ему передавать сложные идеи наглядным и доступным способом. Сочетая религиозную иконографию с фантастическими и часто гротескными изображениями, которые, по правде говоря, не всех привлекают. Тем не менее Босх создаёт захватывающий и заставляющий задуматься рассказ, который побуждает зрителей размышлять о собственных верованиях и поступках.

Одним из самых увлекательных аспектов работ Босха является широкое разнообразие символов и аллегорий. От странных и фантастических до глубоко религиозных и моральных. Некоторые из самых распространённых символов в работах **Босха** включают:

- Наверное, самые узнаваемые символы в его творчестве – это монстры, они часто появляются в картинах Босха, олицетворяя тёмные стороны человеческой природы и опасности духовного пути.
- Глаза: часто символизируют знание или прозорливость, но могут также быть образом всевидящего глаза Бога или дьявола.
- Рогатые существа: часто символизируют дьявола или демонические силы, но также могут олицетворять похоть или сексуальное желание.
- Рыбы: часто используются для символизации души, но также могут представлять изобилие и плодородие.

Это всего лишь несколько примеров множества символов, которые встречаются в картинах Босха, как и в других вышеупомянутых шедеврах.

Символизм в искусстве служит своего рода дверью, через которую можно проникнуть в более глубокое понимание, приглашая

зрителей заглянуть за пределы внешней оболочки произведения и раскрыть его скрытые слои значений. Будь то через универсальные символы, культурные отсылки или ассоциации с цветами, художники используют символизм, чтобы передать идеи, эмоции и истории, которые выходят за рамки слов. Погружаясь в мир художественной символики, мы открываем для себя не только замысел автора, но и **свои собственные** ассоциации и чувства. Каждый символ становится мостом между эпохами, религиями, культурами и личными историями.

Но готовы ли мы к этому диалогу? Всегда ли мы распознаём послания, зашифрованные в образах? А возможно, что некоторые из них остаются за пределами нашего восприятия – спрятанными, забытыми или пока ещё не понятыми?

Что символизировали бы образы в произведениях сегодняшнего дня? И какие символы останутся понятными зрителю через сотни лет?

ОРДЕН РОЗЫ И КРЕСТА

Дешифровка символа

ВОЙНА БЕЗ РЫЦАРЕЙ
И РЫЦАРСТВА СНАЧАЛА
ПРЕВРАТИТСЯ
В ОБЫКНОВЕННУЮ БОЙНЮ.
А ПОТОМ —
В ЧЕЛОВЕКОУБИЙСТВО

Наверняка вы слышали о загадочном Ордене Розенкрейцеров — **Ордене Розы и Креста**, таинственном теологическом и мистическом обществе, окутанном легендами. Но задумывались ли вы когда-нибудь, **почему именно такое название?** Что стоит за символами розы и креста?

Многие тайны так и остаются в тени, однако сегодня завеса тайны одного из самых знаменитых символов приоткроется. Без красивых легенд и мистических мифов — только факты, логика и размышления. Мы вместе погрузимся в исторический анализ таинственного символа и узнаем, что на самом деле было в него зашифровано. Благодаря этому читатели смогут самостоятельно сделать выводы и увидеть историю в новом свете.

На протяжении нескольких лет я являюсь членом Экспедиционного корпуса и имею за плечами десятки экспедиций в разные страны мира. В результате научной деятельности, проведённой во многих странах, написано не один десяток книг. Кроме того, переведены многочисленные трактаты по науке фехтования, написанные

великими маэстро, такими, как Иеронимо Санчес де Каранза, Франческо Лоуренса де Рада, Жерар Тибо и другими мастерами своего времени. Благодаря проделанной научной работе становится возможен глубокий исторический анализ значения символа Розы и Креста.

Анализ значения упомянутого символа стоит начать с далёкого прошлого. Исторически известно, что в основе европейской науки побеждать лежала **венецианская система фехтования**. Со временем она распалась на пять основных школ.

Первая – норманнская школа, которую ещё называют немецкой. От неё позже отделилась французская школа, а примерно в то же время появилась испанская школа фехтования. Позднее на основе этих направлений сформировалась итальянская школа, которую можно рассматривать как результат противостояния между французским и испанским подходами. Отдельно стоит сицилийская школа – у неё была своя уникальная методика подготовки.

Каждая из этих школ повлияла не только на искусство боя, но и на формирование криминальных традиций. Так появились:

- **сицилийская криминальная культура,**
- **итальянские криминальные зоны,** каждая со своим стилем и названием,
- **европейские и южноафриканские криминальные ветви,**
- **испанская традиция,** которая охватывает и бывшие испанские колонии – Филиппины, Бразилию, Мексику, а также Техас.

Все они связаны с эпохой испанской конкисты, а затем – с реакцией на неё: реконкистой и контрконкистой, что в итоге привело к криминализации фехтовальных техник.

Так постепенно возникла **трехэтажная схема**, где боевое искусство, культура и криминальные традиции тесно переплелись между собой.

Сначала мы разберёмся с целостной системой техник, и к концу вы точно поймёте, что к чему.

Первым блоком в технике шла, идет и всегда будет идти криминальная традиция. Почему? Это простые приемы, простые вещи, которые позволяют эффективно справляться с любой сложной и опасной задачей. Как ни странно, криминальная традиция — это всегда о простоте. Особенно когда речь идёт о международных криминальных практиках, которые зачастую сводятся к набору технических приёмов и навыков.

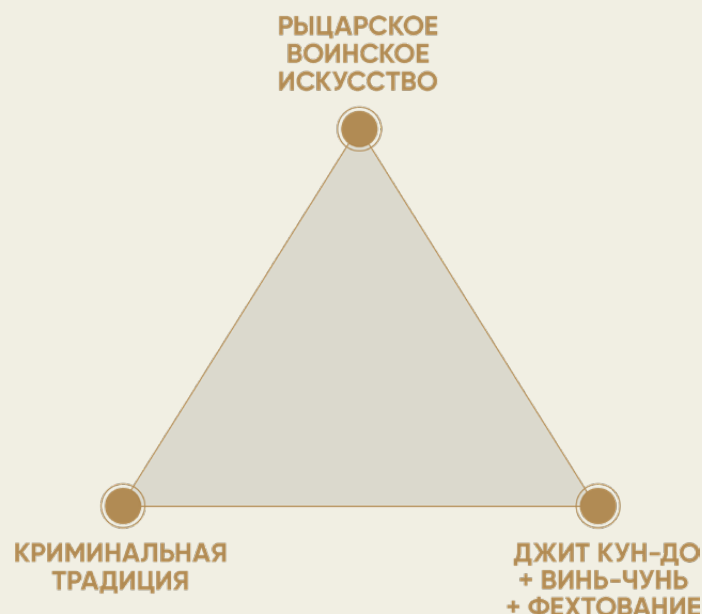
К числу наиболее эффективных криминальных традиций, известных по всему миру, можно отнести итальянскую, французскую, африканскую и испанскую (под испанской я понимаю всю латиноамериканскую часть и Бразилию и Филиппины, все, что связано с Испанией). Сюда

же можно добавить ещё американскую криминальную традицию, поскольку она представляет собой своеобразный микс. Весь этот объем криминальных традиций можно считать следствием венецианской системы.

У каждой техники в общей системе боевых искусств есть своё место: у европейского рыцарского искусства — одно, у криминальной традиции — другое. Важно понимать, что криминальная традиция в этой системе занимает третье место, если человек двигается от себя к противнику, — это **третий блок техники**. И чем ближе боец подходит к противнику, тем ближе оказывается именно криминальный блок: он решает задачи среднего и ближнего боя.

Второй блок техники можно коротко описать как **Джит Кун-До** — систему, созданную Брюсом Ли. Но, как показывает практика, одного языка Джит Кун-До недостаточно,

чтобы полностью выразить этот уровень. Поэтому сюда добавляется **Винь-чунь**, который помогает точнее передать суть. Но и этого бывает мало — приходится добавлять элементы из **фехтования**.

Итак, второй блок можно выразить формулой:

Джит Кун-До + Винь-чунь + фехтование.

Третий блок — это **европейское рыцарское воинское искусство**. Нужно отметить, что это достаточно долгий путь: чтобы освоить его в полном объёме, кому-то потребуется 20 лет, а кому-то — вся жизнь.

К каким выводам приводят эти рассуждения? Безусловно, располагать всеми тремя блоками техники — это эффективное решение. Стремясь к высшей форме совершенства, человек движется к постижению всех трех блоков в течении своей жизни. Но на выстраивание такой целостной системы требуется время.

А что, если **задачи нужно решать уже сегодня?** В таком случае логика подхода криминальной традиции — использовать простые готовые решения — как минимум позволяет выиграть преимущество по времени. Простое действие, как известно, быстрее сложного и, тем самым, эффективнее в режиме текущего времени.

Возникает теоретический вопрос: **почему европейская система построена именно таким образом и зачем?**

Суть — в так называемом **технологическом треугольнике**. Так великие мастера боевых искусств всегда создавали свои системы именно на его основе — из трёх ключевых компонентов. Если эта система построена иначе, в ней обязательно появится уязвимость.

На вершине треугольника находится европейская воинская техника — её ещё называют божественной, потому что она считается наследием наших предков, воплощающим глубинную традицию воинского искусства.

Правая сторона треугольника — это криминальная традиция. Она отвечает за ближний бой. Левая сторона треугольника — это уже знакомая формула:

Джит Кун-До + Винь-чунь + фехтование

Упомянув европейскую рыцарскую традицию, отметим, что она бывает либо **норманнская**, либо **венецианская**.

Когда речь идёт о криминальной технике, мы имеем дело с решением так называемой сверхзадачи. Всё потому, что криминальная традиция постоянно стремилась к превосходству над всеми — даже в тех

условиях, когда достичь этого превосходства было невозможно.

Построение техники по формуле **Джит Кун-До + Винь-чунь + фехтование** становится настоящим надломом для человека. Давайте разберемся, почему это считается высшей точкой нагрузки и дисциплины.

Во-первых, чтобы освоить всё это, нужна **огромная самодисциплина**. Фехтование — это не просто техника, это сложная система, которая требует внимания, точности и постоянной практики. Джит Кун-До требует умения наносить удары правильно и быстро, а этому нельзя научиться за один день — нужна длительная и упорная работа. Кроме того, это требует постоянной тренировки с разными школами, сравнение подходов и наработка движений. Это постоянная интеллектуальная работа — чтобы понимать, какой приём используется в конкретной ситуации, как правильно поставить ноги, куда наносится удар, как среагировать в ближнем бою или на средней дистанции. И все эти решения нужно принимать в один момент.

Даже без спортзала, без противника — это постоянная внутренняя работа: проигрывание ситуаций, анализ, корректировка движений. Это всё — очень серьёзная работа над собой, требующая терпения, ума и постоянной практики.

Итак, существует **технологический треугольник**, и в жизни нередко встречаются три типа людей, каждый из которых связан с определённой частью этого треугольника.

Первый тип — это люди, которые так или иначе связаны с криминальной традицией. И чтобы уметь противостоять такому человеку, нужно самому знать основы этой традиции — её принципы и технику. Если человек не понимает, как действует представитель данной традиции, и сам не владеет подобной техникой, то даже при значительном боевом опыте — например, после десяти лет занятий боксом — в реальной экстремальной ситуации он может проиграть вчистую. Причина в том, что он оказывается интеллектуально не готов к другому стилю и способу действия.

Второй тип — это так называемые «трудаги», очень дисциплинированные и усердные бойцы. Они годами оттачивают технику, ежедневно тренируются, работают над ударами и приёмами. Это технари с сильным, поставленным ударом. Если хоть где-то недоработать, не вложиться в дисциплину, и оказаться в схватке с таким человеком — в лучшем случае просто сильно достанется.

Например, если каратист школы Сётокан ударит такого «счастливчика» в грудь, то как минимум он отлетит и перекувырнётся, а как максимум — это может быть крайне опасно для жизни. Смысл простой: если не заниматься серьёзно, не довести технику до соответствующего уровня, то в бою с такими противниками одержать победы ни у кого не получится. Как говорят: **дисциплина всегда бьет класс**.

К тому же в крайне экстремальных условиях, например, представим неравное сражение в XVI–XVII вв., в таком случае без навыков европейской рыцарской традиции не обойтись. Здесь применима техника на 360 градусов, и без владения ей ни один рыцарь не смог бы эффективно противостоять в такой ситуации. У него не будет даже понимания этой техники, которая позволяет сражаться против нескольких нападающих одновременно, используя одно или несколько видов оружия.

В экстремальных ситуациях требуется знание тактики, стратегии и техники. Если человек осваивает лишь отдельные приёмы, не обладая навыками группового боя, то при столкновении с опытными противниками даже самый умелый рыцарь в лучшем случае потерпит поражение, а в худшем — может погибнуть. Такие противники даже не будут наносить удары напрямую — они технически и тактически значительно превосходят соперника и просто переигрывают его, не прилагая больших усилий.

В нашей работе рассматривается линия школ фехтования, а также стили Винь-чунь и Джит Кун-до. Мы стремимся изучать фехтование максимально широко и глубоко — включая итальянскую, венецианскую, испанскую и немецкую школы. Обычно подобные исследования направлены на

понимание тактики каждой школы, умение читать противника, предугадывать его действия и просчитывать развитие ситуации. Однако для нас главное – расшифровать технологическое преимущество, скрытое в символе Розы и Креста.

Соответственно, в продолжение нашего анализа: европейская рыцарская традиция предоставляет техническую базу, позволяющую реализовывать тактические идеи. Настоящее военное искусство начинается со стратегии и тактики, а затем формируется техника, с помощью которой эти замыслы воплощаются в действие.

И именно так устроена целостная система.

Исходя из приведённого анализа, можно заключить следующее:

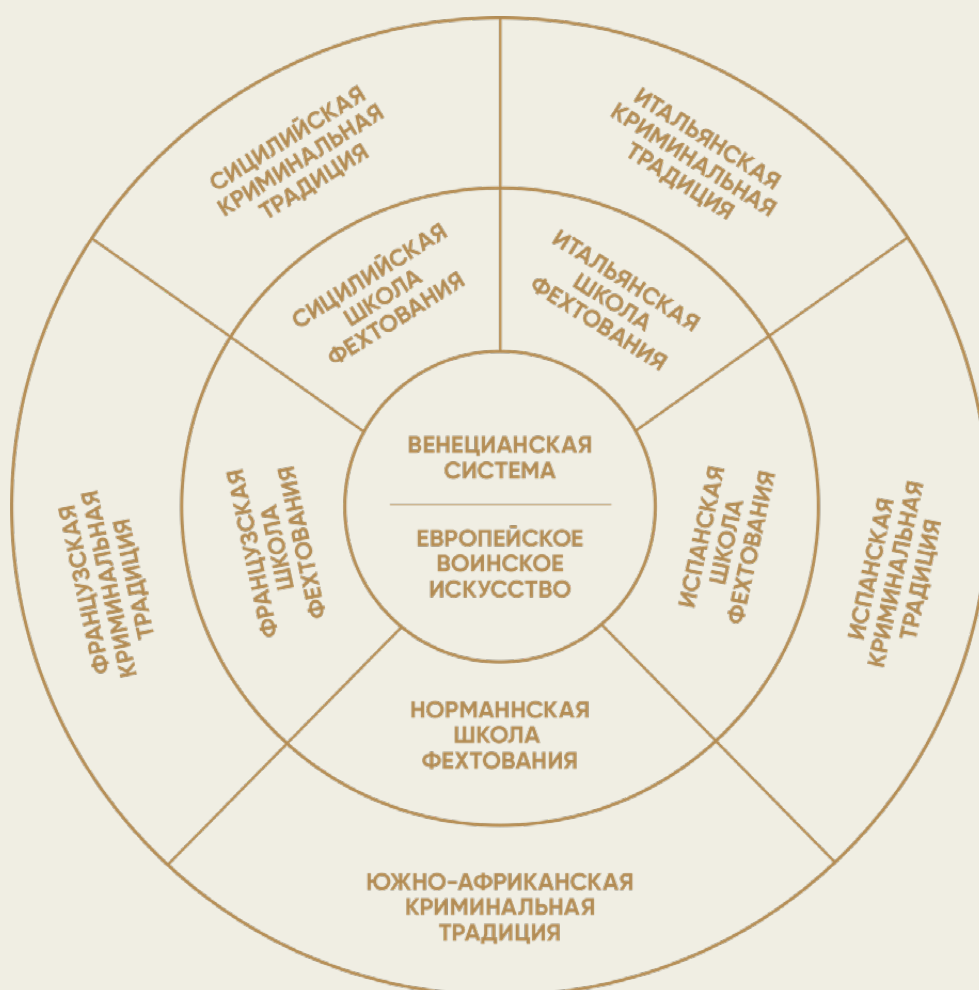
- на ближней дистанции обычно в действие вступает криминальная традиция;

- на средней и переходной дистанции – второй блок, включающий Джит Кун-до, Винь-чунь и фехтование;
- а в качестве всеобъемлющего третьего блока возможно применение европейского рыцарского искусства – точно в нужный момент и по ситуации.

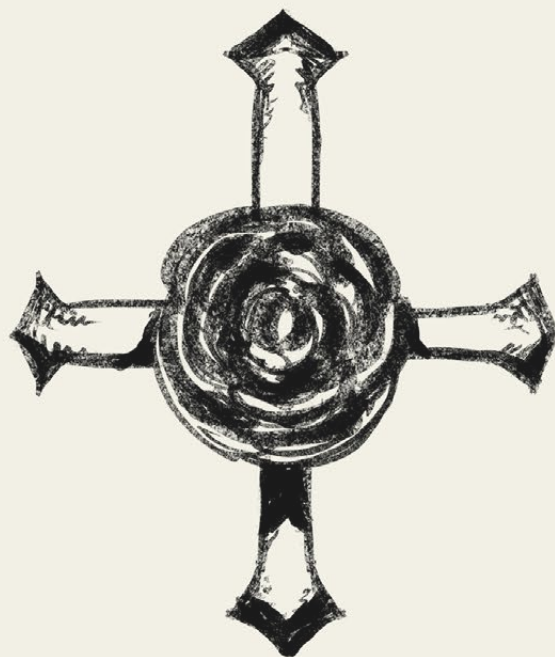
Теперь представляется возможным показать, как эти три блока, соединяясь, образуют единую систему, в которой всё работает согласованно, дополняя друг друга.

Итак. Вернемся к рисунку, представленному выше.

В центре, в ядре, находится европейская рыцарская традиция, на втором уровне располагается формула Джит Кун-до, Винь-чунь и фехтования. На третьем уровне представлены криминальные традиции. Представляя человека в центре этой конструкции – в центре венецианской системы – можно увидеть, что защиту

○

обеспечивают школы фехтования и техники криминальных традиций. На третьем эшелоне расположены клинья и точки опоры, которые находятся в центре, словно левая и правая рука. Методы управления дистанциями сосредоточены на втором эшелоне, а повороты плоскостей – на первом. Следовательно, техника построена по аналогичной схеме: переход на первый эшелон соответствует применению криминальной традиции; на уровне управления дистанциями задействуются знания второго эшелона; а раскрытие тактики и стратегии, истинного рыцарского воинского искусства – это первый эшелон, который способен ошеломить не только одного противника, но и группу, а порой – целое войско. **Именно этот подход называется Розой** – символом ордена Розы и Креста, то есть рыцарей Розенкрейцеров.

Ещё один интересный момент, на который стоит обратить внимание: перед противником могут предстать разные образы – бандита, дворянина или рыцаря. Выбор «лица» определяется тактикой и стратегией, а также конкретной ситуацией. Система является целостной: вначале она словно розовый бутон – свернута и собрана внутри. Однако при необходимости может раскрыться, подобно розе, в любую из сторон – в венецианскую систему, различные школы фехтования или криминальные традиции. Раскрытие этой

«розы» происходит именно так, как требуется в конкретный момент.

Роза сама по себе – красива, однако у неё острые шипы. И если кто-то решит схватить её неосторожно обязательно уколется. **Роза – это символ постоянной готовности побеждать.** А поскольку она даёт **силу и власть**, рядом с ней появляется **крест**.

Крест – это тоже символ, и он несёт в себе три значения:

1. Способность **защищаться со всех сторон, на 360 градусов.**
2. Символ **истины.**
3. Знак **законной силы**, то есть **правоты власти.**

Когда **роза и крест соединяются**, они символизируют две вещи одновременно:

- силу **оружия**,
- и силу **знания.**

Вот почему **роза и крест** – это не просто красивые образы, а **глубокий символ системы**, которая соединяет **силу, ум и готовность действовать в любой ситуации.**

Именно так один **орден Розенкрейцеров 300 лет сражался против всей западной Европы**, против всех государей и победил. Поэтому, глядя на этот рисунок,

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ
ПРАВЯТ МИРОМ,
А НЕ СЛОВО
И ЗАКОН.

~ Конфуций ~

становится ясно, почему эти три системы легко сочетаются друг с другом — они изначально взаимосвязаны, хотя это часто остаётся неизвестным.

Кроме того, когда человек попадал в это тайное общество, нередко он говорил: **«Меня заменили на сад роз»**. В клятвах своих они произносят имена магистров Розенкрейцеров. Все эти сведения доступны — при желании их можно найти и убедиться в их достоверности самостоятельно. На символах и изображениях часто можно встретить **крест** — это знак **Ордена Тамплиеров**, а **роза** — это символ **Ордена Розенкрейцеров**. Но важно понимать: **Орден Тамплиеров** никогда не существовал сам по себе. Он всегда был частью большего. Поэтому когда Орден Розы соединился с Орденом Креста, появился **Орден Розенкрейцеров**. Это объединение двух традиций, которые сохранили для нас древнее знание и позволили ему дожить до наших дней.

Зачем подчеркиваются эти аспекты? Поскольку, зная их, можно по-настоящему понять, как соединяются разные техники и системы в одно целое. Без этого понимания любые объяснения будут неполными.

Поэтому мы можем заключить, что **за символом Розы и Креста скрывается тех-**

нологическое преимущество в виде технологического треугольника, состоящего из трёх систем.

Исходя из этого, символы розы и креста Ордена Розенкрейцеров — это не просто «мистическая картина», но целая система. Вместе — роза и крест — показывают, как объединяется знание, техника и готовность действовать в любой ситуации. Зная это, представляется возможным понять, как соединяются разные боевые стили в одну цельную систему — точно так же, как Орден Розенкрейцеров сочетал в собственной структуре два ордена, тем самым обеспечивая технологическое преимущество.

История — лучшая демонстрация силы такого преимущества и технологического подхода в целом.

Автор статьи: Анна Филиппова

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СИМВОЛ

Фрагмент из книги Мишеля Пастуро
«Символическая история европейского
средневековья»

ВООБРАЖАЕМОЕ КАК ЧАСТЬ РЕАЛЬНОСТИ

Символ как способ мышления и восприятия настолько привычен для средневековых авторов, что они практически не ощущают необходимости предупреждать читателей о своих семантических и дидактических намерениях или в обязательном порядке объяснять употребляемые слова. При этом латинская лексика, определяющая понятие символа, весьма богата и необычайно точна; и это характерно как для сочинений **святого Августина, отца всей средневековой символики**, так и для сочинений менее значительных авторов, например, энциклопедистов XIII века или составителей сборников *exempla*¹, адресованных проповедникам.

Именно с лексикой связаны первые трудности, которые встают перед историком при изучении средневекового символа. Современные европейские языки — в том числе немецкий, самый продуктивный в плане словообразования, — не располагают терминологическим инструментарием, способным с точностью передать все разнообразие и все тонкости средневековой латинской лексики, определяющей или актуализирующей символ. Когда латинский автор поочередно использует в одном и том же тексте слова **signum, figura, exemplum, memoria, similitudo** — которые на современный французский можно перевести как **symbole («символ»)** — то он делает это не случайно, напротив, он тщательно подбирает слово: ведь у каждого есть свой отличительный оттенок. Это устойчивые термины, обладающие широким и усложненным семантическим полем и потому не поддающиеся точному переводу; при этом они ни в коей мере не являются взаимозаменяемыми. Сходным образом латинские глаголы *denotare, depingere, figurare, monstrare, repraesentare, significare* с общим смысловым полем «означать» не являются ни эквивалентами, ни синонимами; напротив, предпочтение того или иного глагола говорит о продуманном и сознательном выборе, наиболее точно выражающем мысль автора. Если, подчеркивая

символическое значение того или иного животного или растения, автор говорит *quod significat*, то это не будет эквивалентно *quod representat*, а последнее не будет являться точным синонимом *quod figurat*.

Такое языковое и лексическое разнообразие уже само по себе исторически значимо. Оно говорит о том, что **символ в средневековой культуре является частью базового ментального инструментария**: он имеет разнообразные формы выражения, охватывает различные смысловые уровни и проникает во все сферы интеллектуальной, общественной и религиозной жизни, включая этические представления. Вместе с тем это разнообразие объясняет, почему понятие символа не поддается никаким обобщениям, никаким упрощениям, и даже анализу. **Символ всегда двойственен, поливалентен, изменчив; он не ограничен в своих проявлениях.** К тому же он может быть выражен не только в словах и текстах, но также

¹ Нравоучительные примеры (лат.). — Прим. перев.

в изображениях, предметах, жестах, ритуалах, верованиях, поступках. Изучение символа тем более затруднительно, что далеко не все сферы его функционирования, не вся многообразность и многосторонность модусов смыслопорождения стали предметом осмысления для самих средневековых авторов, включая самых выдающихся. Кроме того, мы имеем дело с историческим объектом, при изучении которого историка, работающего то с одним, то с другим источником, на каждом шагу подстерегает опасность анахронизма. Наконец, сама попытка предпринять подобное исследование зачастую означает, что символ рискует в значительной степени утратить свое аффективное, эстетическое, поэтическое или онирическое² наполнение, за счет которого он главным образом и способен реализоваться и эффективно функционировать.

ЭТИМОЛОГИЯ

Наверное, легче всего определить и охарактеризовать средневековый символ можно посредством лексики. Чтобы понять его устройство и назначение, нужно в первую очередь изучить лексические факты. До XIV века многие авторы ищут подлинную природу вещей или живых существ в словах: проследив происхождение и историю сло-

ва, можно добраться до «онтологической» сути объекта или субъекта, которые этим словом обозначаются. Однако средневековая этимология совсем не похожа на современную. Законы фонетики неизвестны, а родственность греческого и латинского языков отчетливо будет осознана только в XVI веке. Происхождение и историю латинского слова отслеживают, не выходя за рамки самого латинского языка и полагая при этом, что порядок знаков подобен порядку вещей. Поэтому некоторые этимологии противоречат нашей филологической науке и нашим представлениям о языке. То, что современные лингвисты, вслед за Соссюром, называют «произвольностью знака», средневековой культуре неизвестно. Все имеет свое обоснование, пусть даже ценой сомнительных, на наш взгляд, словесных ухищрений. Историка не пристало смеяться над такими «ложными» этимологиями. Наоборот, он должен рассматривать их как полноценные свидетельства культурной истории... и помнить о том, что наши собственные знания, которые кажутся сегодня научно обоснованными, возможно, через три-четыре поколения вызовут у филологов улыбку. Также нельзя упускать из виду того, что некоторые средневековые авторы, начиная с Исидора Севильского, могли порой предаваться этимологическим упражнениям ради забавы. И в этих случаях мы сталкиваемся с невероятной мешаниной из умозрительных построений и весьма натянутых сопоставлений.

Тем не менее множество верований, представлений, символических систем и поведенческих кодов объясняются той самой заключенной в слова подлинной сутью вещей. Это касается всех частей речи, но прежде всего существительных: имен нарицательных и имен собственных. Приведем несколько примеров, которые будут затрагиваться и разбираться в дальнейшем. **Орех** считается вредоносным деревом, потому что обозначающее его

² Онирический – от “oneiros”, сон (греч.) – имеющий отношение к сновидениям. – Прим. ред.

латинское слово пих обычно связывается с глаголом **nocere**, то есть «вредить». Значит, орех — дерево пагубное: если не хочешь, чтобы тебя навел дьявол или злые духи, не засыпай под его кроной. На **яблоню** распространяется та же логика: обозначающее ее слово **malus** напоминает **mal**, то есть «зло». Из-за своего имени яблоня в преданиях и иконографии превратилась со временем в дерево **запретного плода**, причину первородного греха и грехопадения. В имени и именем сказано все. **Изучение средневековой символики всегда должно начинаться с изучения лексики.** Во многих случаях это направит историка на истинный путь и заставит его воздержаться от чересчур позитивистских интерпретаций или же от применения психоаналитического подхода, чаще всего совершенно неуместного. Так, некоторые французские рыцарские романы XII–XIII веков сбили с толку многих ученых: в них говорилось о вручении победителю турнира странной награды — **щуки**. Ни общая символика рыб, ни конкретное символическое значение щуки никак не могут объяснить выбор такого вознаграждения; кроме того, вопреки тому, что пишут ученые, ни мутная юнгианская идея о воде как примордиальном³ образе, ни представление о диком звере, который является «архетипическим образом воина-хищника», здесь тоже совершенно ни при чем. Выбор щуки в качестве награды рыцарю, победившему на турнире, объясняется всего лишь ее именем: на старофранцузском эта рыба называется словом **lus** (от латинского **lucius**), которое напоминает слово, означающее вознаграждение: **los** (от латинского **laus**). Для средневекового мышления между **los** и **lus** существует «естественная» связь, и она совсем не похожа на то, что мы сегодня назвали бы игрой слов или каламбуром, а представляет собой то ясно видимое звено, которое может стать основой для символического ритуала награждения рыцаря.

Подобного рода вербальная связь обнаруживается и в сфере собственных имен. **Имя раскрывает правду о человеке, рассказывает его историю, предвеща-**

ет его будущее. Поэтому символика собственных имен играет значительную роль в литературе и агиографии. Наречение именем — всегда исключительно важный акт, так как имя тесным образом связано с судьбой того человека, который его носит. Смысл жизни человека определяется его именем. Например, **vita**⁴, страсти, иконография, добродетели многих святых, а также те сферы, которым они покровительствуют, обусловлены исключительно их именами. Крайний случай — **святая Вероника**: она обязана своим существованием (в позднейшую эпоху) вымышленному имени, которое происходит от латинского словосочетания **vera icona**, обозначающего **святой Лик**, то есть истинное изображение Спасителя на плащанице. Таким образом появилась новая святая, Вероника — молодая женщина, которая во время восхождения Христа на Голгофу вытерла куском ткани пот с его лица (и черты Христа чудесным образом отпечатались на полотне). Так из имени вырастает целая агиографическая легенда, и подобных примеров множество. Считается, например, что апостол Симон претерпел то же

³ Изначальный, первичный. — Прим. ред.

⁴ Жизнь; в данном случае — житие. — Прим. ред.

мученичество, что и пророк Исаия: его распилили вдоль. В действительности же оба имени созвучны французскому слову **scie**, «пила» (отвратительный в средневековом восприятии инструмент, так как, в отличие от топора, она расправляется с материалом всегда очень неторопливо), и вносят свой посильный вклад в формирование житийных и иконографических сюжетов, а также влияют на область компетенции соответствующих героев священного предания. **Святая Екатерина Александрийская**, орудием казни которой были колеса, с давних пор стала покровительницей любых ремесленников, использующих или изготавливающих колеса, начиная с мельников и тележников. Следует отметить, что в Германии в конце Средневековья имя Катарина часто давали при крещении девочкам, чьи отцы занимались подобным ремеслом; в одной песенке даже утверждается, что «все дочери мельников носят имя Катарина» и что все они «богатые невесты». Точно так же некоторые святые-целители обязаны своими терапевтическими способностями

ми исключительно своим именам. Так как говорящее имя не во всех языках созвучно с названием одной и той же болезни, то и самим святым в разных странах приписываются разные способности. Во Франции при самых разнообразных заболеваниях, связанных с гнойными воспалениями, обращались за помощью к святому **Маклу** (**clous** – «фурункулы»), а в Германии схожую функцию выполнял святой **Галл** (**die Galle** – «бубон»). И если в германских странах святой **Августин** исцелял от слепоты или облегчал **глазную боль** (**die Augen**), то во Франции в этом случае обращались к святой Кларе⁵, а в Италии – к святой **Люции** (перекличка с латинским **lux** – «свет»).

Знать происхождение имени – все равно, что знать глубинную природу того, кто это имя носит. Поэтому и создавались бесчисленные псевдоэтимологические глоссы, которые сегодня кажутся нам смешными, а в Средние века считались вполне достоверными. Вот пример с **Иудой**. В Германии начиная с XII века его прозвище, **Искарriot** (по-немецки **Ischariot**) – человек из Кариота, поселения южнее Хеврона – было разложено на **ist gar rot** (то есть «совершенно красный»). Таким образом, красный становится **par excellence**⁶ цветом Иуды: в его сердце полыхает адское пламя, и изображать его следует с пламенеющими волосами, то есть рыжеволосым, ибо рыжий цвет является знаком коварной природы и свидетельствует о его предательстве.

✠ АНАЛОГИЯ

Даже существуя в различных формах, средневековый символ практически всегда строится на основе связи аналогического типа, то есть опираясь на сходство – более или менее выраженное – между двумя словами, двумя понятиями, двумя объектами,

⁵ От слова «свет» (фр.). – Прим. перев.

⁶ По преимуществу; главным образом (лат.). – Прим. перев.

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛ
ПЕРЕДАЕТ СООБЩЕНИЕ, ДАЖЕ
ЕСЛИ ОН И НЕ ОСОЗНАЕТСЯ
БОЛЕЕ ВО ВСЕЙ СВОЕЙ
ПОЛНОТЕ, ТАК КАК СИМВОЛ
АДРЕСОВАН ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ
СУЩЕСТВУ В ЦЕЛОМ,
А НЕ ТОЛЬКО ЕГО
РАЗУМУ.

~ Элиаге Мирча ~

или на подобие между вещью и идеей. Точнее говоря, **средневековое мышление по аналогии старается установить связь между явным и скрытым и, главным образом, между тем, что присутствует в этом мире и тем, что находится среди вечных истин мира потустороннего.** Следовательно, слово, форма, цвет, материал, число, жест, животное, растение и даже человек могут иметь символическое значение, а значит, могут представлять, означать или намекать на нечто другое, отличное от того, чем они хотят являться или казаться. Экзегеза⁷ как раз и заключается в том, чтобы уловить эту связь между материальным и нематериальным и, изучив ее, добраться до скрытой сути вещей. Объяснение или обучение в Средневековье состоит, прежде всего, в поиске и разгадывании скрытых смыслов. Здесь мы снова возвращаемся к исходному значению греческого слова **sumbolon**: опознавательный знак, представляющий собой две половинки предмета, разделенного между двумя людьми. В рамках средневекового мышления, как самого абстрактного, так и самого обыденного,

всякий предмет, всякое начало, всякое живое существо выражают реальность иного, высшего и незыблемого порядка; символом этой реальности они и являются. Это касается как таинств веры, которые теология стремится объяснить и сделать понятными, так и самых незамысловатых *mirabilia*⁸, к которым столь равнодушно мирское сознание. Однако если в первом случае между символом и тем, что он обозначает, всегда устанавливается нечто вроде диалектических отношений, то во втором — означающее и означаемое соединены более механической связью⁹.

⁷ В данном случае — искусство толкования Священного писания. — Прим. ред.

⁸ Чудес (лат.). — Прим. перев.

⁹ Принцип функционирования средневекового мышления по аналогии особенно хорошо изложен Ж. Ле Гоффом: Le Goff J. La Civilisation de l'Occident medieval. Paris, 1964, p. 325–326. (Перевод на русский: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 400–401. — Прим. перев.)

Таким образом, идет ли речь о теологии, о *mirabilia* или о повседневной жизни, соответствие между обманчивой внешностью вещей и скрытыми за ней истинами всегда проводится на нескольких уровнях и выражается различными способами. Эта связь может быть прямой, аллюзивной, структурной, изобразительной, звуковой, но она также может иметь эмоциональную, магическую или сновидческую подоснову, а это уже само по себе затрудняет ее воссоздание. Тем более что наши современные знания и способы восприятия, отличные от тех, что были характерны для средневековых мужчин и женщин, мешают нам восстановить логику и смысл символа. Возьмем простой пример из области цвета. В нашем представлении **синий** — это холодный цвет; для нас это очевидность, если не истина. В средневековой культуре, напротив, синий цвет — теплый, так как это цвет воздуха, а воздух — теплый и сухой. Историк искусства, который решит, что в Средневековье синий, как и сегодня, — это холодный цвет, жестоко ошибется¹⁰.

И ошибется еще больше, если станет руководствоваться в своих исследованиях спектральной классификацией цветов, или представлением об одновременном контрасте, или же противопоставлением основных и дополнительных цветов: все эти мнимые истины о цвете неизвестны ни средневековым художникам, ни их заказчикам, ни публике. Об этом следует помнить не только в связи с представлениями о цвете и цветовосприятии, но также и в связи с другими областями знания (о животных, растениях, минералах и т.д.), и с тем, как они претворяются в материальной культуре. Например, **лев в средневековой христианской Европе** не воспринимался как неведомый экзотический хищник — живописное или скульптурное изображение этого зверя можно увидеть в любой церкви, так что **он практически являлся частью повседневности**. Точно так же частью повседневности являлся и **дракон**, дьявольское создание, символ Зла, который повсюду попадался на глаза и занимал в средневековом сознании значительное место. Итак, при изучении символов не только не следует неосмотрительно проецировать на прошлое наши собственные знания, ибо те общества, которые предшествуют нам во времени, ими не обладали; не следует также проводить слишком жесткую границу между реальным и воображаемым. Для историка — а для историка Средневековья, пожалуй, в особенности — воображаемое всегда является частью реальности, воображаемое само по себе — реальность.

⌘ ОТКЛОНЕНИЕ, ЧАСТЬ И ЦЕЛОЕ

Средневековый символизм не ограничивается этимологическими спекуляциями и принципом мышления по аналогии: часто, особенно в изображениях и литературных

¹⁰ Pastoureau M. Bleu. Histoire d'une couleur. Paris, 2000, p. 114–122. 15 11 11.

текстах, используются приемы, которые можно было бы назвать «семиотическими». Речь идет о — подчас механических, а иногда и весьма изощренных — приемах распределения, расположения, объединения или противопоставления различных элементов внутри целого. Наиболее часто встречается **прием отклонения**: в перечне или в группе есть персонаж, животное или предмет, который во всем подобен остальным за исключением одной маленькой детали: именно эта деталь выделяет его и наделяет его значением. Либо персонаж отступает от привычного нам образа, от той роли, которую он должен играть, от того облика, который за ним закрепился, от тех отношений, которые сложились у него с другими персонажами. Отклонение от обычая или нормы позволяет задействовать «экспоненциальную» символическую логику, которую антропологи иногда называют «стихийной» и смысл которой состоит в том, что действующие внутри нее закономерности и приемы нарушаются, выводя на следующий, более высокий уровень. Приведем простой пример. В средневековой иконографии все персонажи, которые носят **рога**, — это персонажи подозрительные или демонические. Рог, как любые телесные выступы, несет в себе отпечаток животной и трансгрессивной природы (например, с точки зрения прелатов и проповедников переодеться в рогатое

животное — это еще хуже, чем переодеться в животное без рогов). Однако существует **одно исключение**: Моисей, которого иконографическая традиция с давних пор наделила рогами из-за неверного толкования одного места в Библии и неправильного перевода древнееврейского слова. Тем самым она его возвеличила. Моисей, рогач среди рогачей, которого, конечно же, нельзя заподозрить в чем-то дурном, выделяется и вызывает восхищение как раз благодаря своим рогам. Напротив, если в иконографии дьявол, который обычно носит рога, оказывается лишен этого атрибута, то он непременно будет казаться еще более устрашающим, чем дьявол рогатый. Прием отклонения лежит в основе многих поэтических и символических построений. Он тем более эффективен, что в восприятии средневекового общества все вещи и живые существа должны занимать свое место, находиться в своем привычном или естественном состоянии, тем самым поддерживая порядок, установленный Создателем. **Нарушение этого порядка — насильственный акт, который неизбежно обращает на себя внимание.**

Так, **нарушение внутренней последовательности, ритма или логики текста** часто используется для того, чтобы **ввести символ**. Некоторые авторы умеют виртуозно завладеть вниманием аудитории, резко нарушив код или символическую систему,

которую сами же и выстроили и к которой постепенно приучили слушателя или читателя. Ряд примеров использования этого приема мы находим у такого выдающегося поэта, как **Кретьен де Труа**. Возьмем, к примеру, «алого рыцаря». В романах Кретьена (и его продолжателей) алые рыцари – то есть рыцари, одетые в красное, с доспехами и снаряжением красного цвета – олицетворяют собой злых, опасных персонажей, подчас явившихся из потустороннего мира, чтобы бросить вызов герою и спровоцировать кризисную ситуацию. В начале «Повести о Граале» Кретьен рассказывает, как ко двору Артура прибывает алый рыцарь, наносит оскорбление Гвиневере и бросает вызов присутствующим рыцарям Круглого Стола. Этого рыцаря быстро побеждает совсем еще юный Персеваль, который завладевает его оружием и конем и сам таким образом становится «алым рыцарем», даже не будучи еще посвящен в рыцарское достоинство. Но Персеваль – не отрицательный персонаж. Напротив, инверсия кода указывает на него как на незаурядного героя, исключительного рыцаря, чьи красные доспехи намеренно противоречат всем семантическим системам, выстроенным автором, его предшественниками и эпигонами. Приему отклонения или инверсии близок прием **столкновения противоположностей**. Средневековая символика не обладает монополией на его использование, однако регулярно обыгрывает его с большой виртуозностью. Этот прием основывается на идее – актуальной для

западной культуры в долгосрочной перспективе – о том, что противоположности притягиваются и в итоге соединяются. Идея опасная, даже разрушительная, зато она позволяет подняться над обыденными символическими формулами и подчеркнуть особо важную мысль. Чтобы этот прием воздействовал со всей возможной эффективностью, нужно использовать его дозированно. Именно так и поступают средневековые писатели и художники. Впрочем, применяют его почти исключительно в христологическом¹¹ контексте. Возьмем, к примеру, рыжеволосого Иуду: на многочисленных позднесредневековых изображениях и картинах, сюжетом которых становятся арест Иисуса и поцелуй Иуды, рыжина апостола-предателя как будто бы в процессе осмоса¹² переходит на волосы и бороду Христа; палач и жертва, которых никоим образом нельзя перепутать, символически объединяются с помощью цвета.

Наконец, помимо символики, построенной на отклонении, инверсии или трансгрессии¹³, часто используется символика **pars pro toto**, «часть вместо целого». По

¹¹ Имеющий отношение к Иисусу Христу. – Прим. ред.

¹² Процесс проникновения растворителя через разделяющую два раствора тонкую полупроницаемую перегородку (мембрану). – Прим. перев.

¹³ Трансгрессия – пересечение границ понятия, выход за его пределы. – Прим. ред.

своей структуре и по своим проявлениям это тоже прием семиотического типа. Но он также опирается на более умозрительные представления, касающиеся отношений между микрокосмом и макрокосмом. Для схоластики человек и все существующее в этом мире представляют собой вселенные в миниатюре, устроенные по образу и подобию единой Вселенной. Таким образом, конечное создано по образу и подобию бесконечного, часть может представлять целое. Эта идея реализуется в ритуалах, воспроизводящих из множества сцен и жестов лишь некоторую часть. Она же обуславливает кодирование многих изображений, особенно тех, в которых значительное место уделяется декоративности. По большому счету неважно, насколько обширную поверхность занимает орнамент, структура или текстура: квадратный сантиметр (если взять принятую сегодня единицу измерения) в этом смысле равнозначен квадратному метру или даже большей площади. Во многих областях замена целого частью представляет собой **первую ступень символизации**. Например, в культе мощей кость или зуб представляют всего святого; если речь идет о репрезентации короля, то корона или печать способны в полной мере «заменить» суверена; при

передаче земли вассалу горстки земли, пучка травы или соломинки будет достаточно, чтобы обозначить всю землю; при изображении того или иного места башня представит целый замок, дом — город, а дерево — лес. Но это не просто атрибуты или заменители: дерево на самом деле является лесом; горсть земли — всей землей, которую передают на правах фьефа; печать в полной мере являет персону короля; кость действительно принадлежит святому... даже если этот святой оставил христианскому миру несколько десятков бедренных или берцовых костей. **Символ всегда весомее и подлиннее реального человека или вещи, которых он должен представлять, потому что в Средневековье истина всегда находится вне реальности, в мире высшего порядка.** Истинное не есть реальное. Вот основные коды и приемы, которые конструируют средневековый символ. Этим отнюдь не исчерпываются ни его содержание, ни его смыслы. Однако именно эти механизмы в наибольшей степени доступны историку и их, в общем-то, стоило бы изучить. Значительное число других особенностей символа (аффективных, поэтических, эстетических, модальных) выявить труднее, а иногда они и вовсе ускользают от внимания историка.

СИМВОЛЫ, МЕНЯЮЩИЕ СУДЬБУ

АВТОР СТАТЬИ:

МАРИНА ИЛЮША

Главный редактор журнала «Культура и Религия». Руководитель НИИ «Международное судьбоаналитическое сообщество», последовательница Венецианской школы.

Символ традиционно определяется как авторитетное выражение веры или доктрины либо как знак, указывающий на нечто иное через связь, ассоциацию или тождество. Предмет, знак, изображение, персонаж, имя или место — практически любая вещь способна нести символическое значение.

Изучение символов имеет огромное значение. Они не просто окружают нас в повседневности, но и заключают в себе

скрытые смыслы, архивы исторических пластов и культурные коды. Но что, если мы рассматриваем символ, не зная ни его названия, ни его истории, а видим лишь некий образ или, что ещё интереснее, — лик человека? Ощущаем его влияние, мощь и силу, что-то, что побуждает нас двигаться, принимать решения и даже выбирать жизненный путь... Да, это вполне

возможно. Символ может говорить с нами без слов, пробуждая нашу память. И за доказательствами этого осмысления мы отправляемся в Южную Италию — в мир, где символы управляют жизнями. Именно там начнётся наше исследование на примере ключевых символов криминальной традиции Южной Италии — тех, что веками формировали идентичность, дисциплину и власть.

Как многим известно, Южная Италия знаменита не только своей великолепной архитектурой, потрясающей кухней и живой музыкальной традицией, но и так называемой «тёмной стороной» — организованной преступностью. Именно здесь здравствуют такие мощные мафиозные структуры, как Ндрангета в Калабрии и Каморра в Кампании. Эти преступные организации давно стали частью местной истории и оказывают значительное влияние на экономику, политику и повседневную жизнь региона.

Говорить на эту тему предстоит не беспочвенно. Учёным **Олег** Мальцевым

было посвящено более шести лет исследованию криминальной традиции Южной Италии. Он является руководителем специализированного подразделения **НИИ Памяти «Экспедиционный корпус»**, одна из фундаментальных доктрин которого — **«нет нерешаемых задач»**. Было посвящено несколько лет исследованиям сицилийской криминальной традиции, ряду проведённых научных экспедиций в Палермо, Турин, Катанию, Чефалу, Бари, Торитто, Багерию, Монтелепре, Корлеоне и многие другие города. В ходе экспедиций 2017, 2018 и 2019 годов экспедиционная группа неоднократно имела честь и возможность работать с ведущими архивами южноитальянского региона в рамках исследования философии Юга Италии. Также была проделана колоссальная научная работа совместно с выдающимся учёным, профессором, специалистом по Ндрангете **Антонио Никасо**. Помимо сказанного, исследование также требует глубокого знания о науке европейского мистицизма, поскольку **академиком Олегом Мальцевым** было доказано: **криминальные**

традиции тесно связаны с архитектурой, так как у данных организаций также существует свой символичный язык, относящийся к **Европейскому мистицизму**. Подробное исследование криминальных традиций показало, что упомянутые организации никогда не исповедовали и не исповедуют традиционные религии в современном их понимании. У любой криминальной традиции всегда существует «своя религия», и она прикладного характера.

«Своя религия» — это система прикладных знаний, которые не только объясняют человеку фундаментальные жизненные принципы, философию, но и позволяют обретать силу, богатство и могущество.

«Своя религия» в калабрийской криминальной традиции является частью их субкультуры, философии, мировоззрения и фундаментальных правил, на которых стоит организация. Подробно об этом написано в книге «Злые языки. Старые и новые коды мафии», которую написали Антонио Никасо, Никола Граттери, Джон Б. Трампер и Марта Маддалон.

Итак, наступило время поговорить о месте, где для каждого калабрийца начинается выбор своей судьбы... Это **церковь, посвящённая центральному символу Калабрии, — церковь Мадонны Ди Польси**.

♣ СИМВОЛ СЧАСТЬЯ И ДОСТАТКА

Мадонна Ди Польси — покровительница, символ счастья и достатка, основополагающий символ криминальной субкультуры Калабрии. Путь к Мадонне Ди Польси — это испытание, меняющее отношение к жизни и представление человека о самом себе. Попасть в церковь Мадонны Ди Польси для обычного человека крайне сложно и даже опасно. Храм находится в недоступном для человека месте, восхождение к нему является мощным испытанием, которое учит человека крайне важному правилу: **основа успеха — это дисциплина**.

Существует несколько легенд об основании этого храма, расположенного высоко в горах. Согласно первой, самой распространённой версии, в 1144 году заблудший пастух из Санта-Кристина-д'Аспромонте остановился помолиться. Во время его молитвы появляется Мадонна, которая указывает ему точное место, где должна быть построена церковь.

Другая история гласит, что святилище ди Польси, согласно официальным источникам, представляет собой скит, основанный Роджером II Сицилийским в 1144 году. Некий отшельник принёс (!) на Караульный холм (как издревле называлось это место) из Айя-Софии (Константинополь) икону Богородицы, написанную самим евангелистом Лукой. Фотографии и видео этих мест вы не найдёте в Интернете.

Также есть версия, что строительство церкви стало последствием распространения Базилианскими монахами призывов к преданности Кресту и Мадонне под названием «Св. Мария ди Польси». В Калабрии можно ещё встретить и такое название, как «Мадонна делла Монтанья».

В дальнейшем 29 марта 1481 г. был отменен Греческий обряд в Калабрии.

С его отменой Святителище перешло под юрисдикцию епископов Джераче, которые были представлены священниками с титулом капелланов.

В начале XVIII века, под духовным руководством этих священников, в монастыре Польси находилась община под названием «Монахи Святого Павла». Они посвящали себя молитве и ручному труду любого рода, заботились о монастыре и оставшихся зданиях, о приличии Церкви. Разбросанные по разным городам и районам Калабрии, они распространяли преданность Мадонне и ожидали ежегодной поддержки сообщества и обслуживающего персонала в Святителище.

Восхождение к храму Мадонны Ди Польси демонстрирует разницу между решимостью и безрассудством. Выезд к храму для каждого участника Экспедиционного корпуса стал проверкой на решимость, устойчивость, веру, непоколебимость, дисциплину, выбор и осознанность. Дорога к ней — это самый настоящий вопрос жизни: едешь вдоль обрыва и под тобой земля трясётся... Альтиметр на часах фиксирует

отметку в 2670 м над уровнем моря! К тому же альтиметр остался единственным работающим прибором, поскольку мобильная связь, в довершение к дождю, граду, снегу и оползням, оборвалась уже вскоре после Сан-Луки. Будто ничто не должно нарушать величия и покоя Мадонны.

Ди Польси — это своего рода культ, о котором, кажется, уже всё сказано. Исследования проведены, выводы сделаны, в том числе, в книгах Антонио Никасо. Покровительница Ндрангеты — своего рода аналог нашей Покровы у казаков. История вроде бы понятна. Однако мы до последнего момента не были уверены, существует ли это святителище в действительности — что если, это лишь часть мифа, та самая «невидимая» сторона мира, в котором живёт Ндрангета. К тому же, нас могли и не пустить — просто сказать: «Нет тут никакой Мадонны. А что легенды бродят по всей Калабрии и дальше — так на то они и легенды. Ступайте с миром и не тревожьте добрых людей». Но это не про Экспедиционный корпус. Мы решительно отправились к месту назначения и добрались до него!

Пройдя такой сложный путь к храму, начинаешь понимать: когда именно человек решится к ней отправиться, зависит только от него, возраст, статус, положение в обществе не имеет значения, главное — принять это решение самостоятельно. Так как дорога к святителищу предстоит крайне сложная, она требует безоговорочной решительности идти только вперед, не думая останавливаться. Безрассудный человек испугается и свернет с дороги — покажет свое истинное намерение. **Трудный путь заставляет человека переосмыслить многое**, в том числе, серьёзно задуматься о будущем. Эта дорога навсегда определяет курс дальнейшей жизни.

Именно поэтому криминальная организация сделала дорогу к ней такой недоступной, чтобы никто лишней туда попасть не мог. Наивно полагать, что у членов этой организации нет денег на хорошую дорогу к своей главной святыне — ё специально не делают! Всё это — намеренно созданные декорации. **Дорога к Мадонне Ди Польси — одновременно и крещение,**

СИМВОЛЫ МОГУЩЕСТВЕННЫ,
ПОТОМУ ЧТО ОНИ – ВИДИМЫЕ
ЗНАКИ НЕВИДИМЫХ
РЕАЛЬНОСТЕЙ.

~ Святой Августин ~

и клятвы крови. Обычный человек просто не отважится туда поехать или вернётся обратно, едва достигнув половины пути. Человек, не имеющий решимости, туда не попадёт. Каждый раз тебе кажется, что надо развернуться и ехать обратно, и я сама себя неоднократно ловила на этой мысли. Особенно, когда хлещет град и видишь с корнем вырванные столетние деревья, перегородившие дорогу. Участники Экспедиционного корпуса вручную разбирали завалы, разламывая ветви деревьев. Один из нас даже выгрузил из багажника микроавтобуса те немногие вещи, которые там были, в салон, а сам залез в багажник, чтобы утяжелить заднюю часть автомобиля и тот смог пройти через оползень. Даже такое у нас было...

Человек, обладающий решимостью знает, что он делает и что предстоит сделать, поэтому идет до конца, взяв всю ответственность за свои действия. Он готов к ответственности, готов ко всем испытаниям на пути. Главное, что вы должны понять: восхождение к святилищу Мадонны Ди Польси – это урок, пройдя который вы не будете прежним.

Добравшись до церкви и зайдя внутрь, в центре вы увидите статую самой Мадонны с младенцем. **Алтарь – сердце хра-**

ма. Алтарь сделан из полихромного мрамора, предложенного городом Мессина в 1737 году, и в настоящее время восстанавливается. Работы по реконструкции выполняются на некоторых кусках мрамора, которые со временем испортились. Мастера очищают его от черного дыма, который накапливался в течение многих лет с помощью обета свечей верующих. В конце можно увидеть масляную картину неизвестного автора, изображающую Доброго Пастыря.

По сторонам две колонны с капителями украшают монументальное сооружение. В центре доминирует статуя Мадонны с младенцем. Сама статуя весит 8 центнеров и снимается со своего места каждые пятьдесят лет. По **древней традиции Санлучеси**, ее необходимо представить верующим для священной церемонии коронации и **пронести ее через триумфальное шествие** по улицам города. Это первая скульптура, о которой известно даже с 1604 года, так как она относится к статуе из позолоченного дерева.

По сторонам от центральной статуи Мадонны можно заметить еще две ключевые фигуры Юга Италии — это **св. Архангел Михаил и Георгий Победоносец**.

Для нас это было по-настоящему значимое достижение — будто мы прошли путь посвящения, который под силу лишь настоящим рыцарям. Именно так мы стали ближе к разгадке того, в чём кроется сила Ндрангеты. Особенно поразил один момент: казалось бы, такая влиятельная и богатая организация, а святилище их почитаемой Девы должно бы поражать роскошью — особенно с учётом итальянской любви к изяществу и деталям. Но всё оказалось совсем иначе: внутри — простота, почти аскетизм, ничего показного.

Мадонна ди Польси — это не просто святая. Для калабрийцев она — символ неуязвимости, судьбы и внутренней силы. Она — как тайна, наставница и душа Калабрии. Без неё человек из Калабрии не может почувствовать себя настоящим калабрийцем. За твёрдостью и стойкостью как обычных людей, так и самой Ндрангеты стоит именно она — Мадонна ди Польси, потому что она является главным символом региона.

Помимо неё, есть и другие важные образы, которые мы рассмотрим, символы, влияющие на жизнь человека. Например, Архангел Михаил и Георгий Победоносец — это два символа, отражающие разные пути, по которым может идти человек. Георгий — это путь вверх, путь героя, который преодолевает трудности и достигает славы. А Михаил — это путь тех, кто спускается с небес, чтобы нести в мир знания, защищать порядок и помогать другим.

❖ СИМВОЛ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Один из самых значимых символов Южной Италии — это Архангел Михаил. Согласно канону, за плечами данной **символической фигуры** покоится **«заархивированный» колоссальный пласт знаний**. Он отвечает за философию, догматику, доктрину, убеждения человека и его статус в обществе. Он олицетворяет трансцендентный уровень

развития личности и один из двух жизненных путей человека. Архангел Михаил — это божественная, чаще всего немислимая в своём масштабе сила порядка. Народная мудрость недаром гласит, что всё вернётся на круги своя; «будет, как положено, а не так, как хочется» и т.д. Сицилийцы же считают Архангела Михаила проводником в рай, а также в безбедную жизнь. Думаю, сначала достаточно сложно соотнести такие понятия, как криминал и святость. Однако все не так, как нам кажется на пер-

Путь Архангела Михаила требует условий и наставника, способного передать необходимые знания. Принявшие истину сразу же становятся частью этого. В Европейском мистицизме к ним относились дворяне, правители и судьи, что характерно для Рейнской традиции.

вый взгляд, потому что для калабрийца они неразделимы.

Кроме того, святые в криминальной традиции Южной Италии служат необычными наставниками, и главная задача Архангела Михаила – взвешивать на своих весах положительные и отрицательные качества каждого человека. Меч же используется для отсечения головы тех, чьи отрицательные поступки превышают добродетель.

Религиозно-философская концепция Калабрии, по сути, основывается на образе **Архангела Михаила**, сама же фигура – прототипологический **эталон для**

калабрийца. Более того, каждый человек, родившийся в семье ндрангетистов, растёт в условиях специальной системы подготовки, обеспечивающей воспитание до уровня Архангела Михаила. Подобной системы в Европе нигде не осталось. Ндрангета – это единственный пример того, как создаются «Архангелы Михаила» в человеческом облики – самые настоящие справедливые, великие и могущественные мудрецы.

Архангел Михаил – это некое устремление человека добиться вершин, построенных на справедливости. Жизненный путь, вдохновлённый символом Архангела Михаила, – это путь терпеливого созидания и строгой справедливости: как садовник возвращает плодородное дерево, символ достатка и преемственности, так и человек возвращает своё дело, неустанно охраняя его от вреда, отделяя истину от лжи и действуя с мечом дисциплины и весами нравственного закона. Достигнет ли он этих высот в жизни духовной – неизвестно.

☪ СИМВОЛ СТОЙКОСТИ

Георгий Победоносец является опорным символом Каморры. Это лицо, символично обратившееся против общественного закона, стало на путь движения вверх, прошло крещение, что и превратило его в Георгия Победоносца. На Юге Италии так и говорят: «Нужно проявить характер, чтобы тебя окрестили». Крещение превращает человека в Георгия Победоносца, дальше он движется к сопричастию, то есть к становлению Архангелом Михаилом, но когда это произойдёт, никто не знает.

В Ндрангете фигура Георгия Победоносца отсутствует. Единственное место, где экспедиционной группой была найдена фигура Георгия Победоносца в Калабрии – это Реджио. Предположительно, Георгий Победоносец может считаться и учебным центром, и принадлежностью к учебному центру. Георгий Победоносец символизирует путь человека вверх, как говорят «через тернии к звездам», когда человек, обретая знания и силу, становится героем;

Путь Георгия Победоносца символизирует восхождение через испытания и ошибки к достижению целей. Он отражает поиск истины, к которой приходят постепенно. В Европейском мистицизме данный образ олицетворяет простолыдинов, потенциально способных войти в правящий класс, что укоренено в Греческой традиции.

это путь к триумфу, требующий мужества, постоянной внутренней работы, способности жертвовать, терпеть и не отступать.

❖ СИМВОЛ ПРЕДАННОСТИ

Любой член Ндрангеты готов отдать все ради общего дела, даже если речь идет о его собственной жизни. Источником данной философии служит фигура калабрийской криминальной традиции, о которой просто так не говорят — **убиенная дева Виллардита**, по-иному ее знают как **«мать Ндрангеты»**. Хочу обратить ваше внимание на этот факт, так как данный символ играет ключевую роль в философии и жизни каждого калабрийца. Все члены Ндрангеты считают убиенную деву Виллардиту своей матерью, по их мнению, в каждом из них течет её кровь. Подобное восприятие святой формирует крайне важный элемент благополучия и философии калабрийца: члены Ндрангеты относятся друг к другу как к кровным членам семьи, что делает её самой устойчивой организацией. Соответственно, численность предателей внутри организации крайне мала именно благодаря философии убиенной девы Виллардиты.

❖ СИМВОЛ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕКА

Святой Рок — самый почитаемый святой в Европе. Его храмы стоят не только по всей европейской территории, но и за ее пределами. В Южно-итальянской традиции святой Рок занимает главенствующую позицию. Символ лика святого Рока олицетворяет огромную **«персональную» доктрину Европейского мистицизма о судьбе человека** и о том, какая его ждет судьба. Важно заметить, что Европейский мистицизм не предсказывает судьбу человека. Судьба изначально вариативна и не предрешена, но это возможно только в том случае, если у человека имеются знания, заложенные в фигуре святого Рока. Во всех остальных случаях, если человек не

знаком со святым Роком и заложенными в нем значением и знанием, его судьба — фатальна.

Таким образом, тремя основными символами Европейского мистицизма, а также криминальной традиции Южной Италии, являются **Архангел Михаил, Георгий Победоносец и святой Рок**. С точки зрения языка Европейского мистицизма, данные фигуры составляют **«треугольник» судьбы человека**.

Эта система из трех персонажей также объясняет человеку фундаментальные, основополагающие категории: соответствие, отречение и выполнение долга. Категорию

Убиенная дева Виллардита как символ олицетворяет высшую степень самоотдачи во имя общего дела, абсолютную верность и внутреннюю готовность пожертвовать всем ради благополучия «семьи».

«отречение» символизирует фигура святого Рока, Георгий Победоносец олицетворяет **«долг»**, а Архангел Михаил — **«соответствие»**. Так возникает треугольник самой результативной и эффективной методики в мире — **Пастамента**, — в которой святой Рок стоит на вершине этой пирамиды. Он порождает три «формы», с которыми изначально рождается человек (так, одним из способов воплощения духа человека на Земле является его воплощение в роли), что дает возможность человеку, оперируя этими «формами», творить свою судьбу, как святой Рок, посредством этого треугольника.

Стоит добавить, что в Венецианском мистицизме святой Рок выступает лишь одной фигурой из пяти святых. И судьба, за которую он отвечает, является только одним из компонентов. В Норманнской (немецкой) и Южно-итальянской традициях святой Рок занимает уже главенствующую, центральную позицию, особенно в Калабрии, Апулии, Кампании и Сицилии. По

сути, Италия, Франция и Испания почитают этого святого. Особого внимания заслуживает Испания, где святой Рок пользуется особым признанием во всем, что связано с имперским прошлым, культурой и традициями этой страны. Храмы святого Рока возвышаются повсюду, даже в самых отдаленных горных уголках, куда путь нелегок. Примечательно, что иной раз в маленьком городке можно встретить лишь одну-единственную церковь — и это будет Храм Святого Рока.

Таким образом, в Европе можно выделить своего рода классификацию храмов в зависимости от представленных в них фигур. Конечно, существуют церкви, где особо почитаемы Архангел Михаил или Георгий Победоносец. Однако святой Рок, Архангел Михаил и Георгий Победоносец как ключевые фигуры европейского мистицизма стоят особняком, возвышаясь над остальными персонажами. Находясь как бы вне системы, выше, они выступают **посланниками Бога: один олицетворяет**

ОТРЕЧЕНИЕ

Святой Рок

СООТВЕТСТВИЕ

Архангел Михаил

ДОЛГ

Георгий Победоносец

«судью», другой – «судьбу», а третий – «героя».

Подводя итог, можно с уверенностью сказать: символы – не просто красивые изображения или стилизованные фигуры из прошлого. Это живые носители смыслов, которые пронизывают все сферы человеческой жизни – от духовной до социальной, от личного до коллективного. Символы действуют, как мост между видимым и невидимым. Они способны проявлять наши скрытые стороны, вдохновлять, направлять наш жизненный путь. Символы Южно-итальянской традиции – проводники и учителя на нашей интересной и неповторимой тропе под названием «жизнь».

Для калабрийца главным символом является **Мадонна ди Польси**. Именно она дарует силу, решимость и внутренний стержень. Путь к ней – это не просто паломничество. Это одновременно и крещение, и клятва крови. Этот трудный путь заставляет человека задуматься о своём будущем, переосмыслить ценности и вы-

брать направление жизни. Он становится точкой невозврата, определяющей весь дальнейший путь.

Именно за стойкостью и внутренней прочностью как обычных людей, так и самой Ндрангеты, стоит Мадонна ди Польси. Она – сердце Калабрии, её духовный центр и символ, объединяющий прошлое, настоящее и судьбу целого народа.

Автор статьи: *Марина Ильюша*

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Культура и РЕЛИГИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Издательство №1

Научный журнал "Культура и религия"

Главный редактор: Марина Ильюша

E-mail: redaksiya@crj.fi

Адрес: Vartiokyläntie 11, 00950 Helsinki

ISSN ЖУРНАЛА

ISSN 2737-3606 (печатный)

ISSN 2737-3614 (электронный)

